

КЕЛЛИ КРЭЙ

СЕРДЦЕ ПРИЗРАКА

Один отдаст за нее жизнь.
Другой уже мертв.

Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мира

Келли Крэй

Сердце призрака

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Крэй К.

Сердце призрака / К. Крэй — «Эксмо», 2021 — (Young Adult.
Коллекция фэнтези. Магия темного мира)

ISBN 978-5-04-165330-9

Стефани вместе с сестрой и отцом приезжает в старинный викторианский особняк, о котором ходят жуткие слухи. Якобы он проклят и там живет нечто ужасное. Говорят, их новый дом заселен мертвыми душами, которые никак не найдут покой. Чарли, младшая сестра, раз за разом жалуется, что видит в шкафу фигуру в маске. Но Стефани не верит в сверхъестественное. Однажды к Стефани во сне является Эрик – юноша из ушедшей эпохи. Именно его имя девушка видела на одном из надгробий на участке за домом. И по мере того как зло становится явным и затрагивает всех вокруг, Стефани с ужасом понимает: парень как-то связан с тем человеком в маске и необъяснимыми событиями, от которых леденеет кровь...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-165330-9

© Крэй К., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Часть I	6
Глава первая. Стефани	6
Глава вторая. Зедок	9
Глава третья. Стефани	13
Глава четвертая. Зедок	16
Глава пятая. Стефани	19
Глава шестая. Зедок	25
Глава седьмая. Стефани	27
Глава восьмая. Зедок	30
Глава девятая. Стефани	33
Глава десятая. Зедок	39
Глава одиннадцатая. Стефани	40
Глава двенадцатая. Зедок	42
Глава тринадцатая. Стефани	43
Глава четырнадцатая. Зедок	45
Глава пятнадцатая. Стефани	46
Глава шестнадцатая. Зедок	53
Глава семнадцатая. Стефани	54
Глава восемнадцатая. Зедок	60
Глава девятнадцатая. Стефани	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Келли Крэй

Сердце призрака

Kelly Creagh
Phantom Heart

© Шагаева Л., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается Кэти Макгэрри, ненавидящей все неживое, но
полюбившей эту книгу.*

*А также Джине Позанца, спустившейся с небес, когда мне нужен
был ангел*

Часть I

Глава первая. Стефани

«Его глаза излучали холодное свечение».

Смахивая непослушные локоны с лица, я оторвала взгляд от тетради с домашним заданием и посмотрела на свою младшую сестру Чарли с огромной долей скептицизма, который она, кстати говоря, заслужила. Игнорировать ее было невозможно.

Семь дней подряд она говорила только о загадочном мужчине в маске, который поселился в нашем новом доме. Точнее, в новом старом доме.

– В твоём шкафу никого нет, Чак, – повторила я уже десятый раз за четыре дня.

Стоило солнцу, укутывающему наш старый, как Рождество, викторианский дом уютным свечением, опуститься за горизонт, как глаза сестры становились похожими на блюдца и наполнялись неподдельным страхом, но сейчас его сменило гневное возмущение.

– Не называй меня так!

Я приподнялась на своей кровати с металлическим каркасом, поперек которой лежала на животе с учебником по математике.

– Как скажешь, Чесс, – проворчала я, подбирая в уме более приятное прозвище из тех, которые давал ей отец. Мне совсем не хотелось вместо испуганной шестилетней сестры наблюдать ее разъяренную версию: с топаньем и визгом во все горло.

Я взяла маленькую ручку Чарли, и она сжала в ответ мои пальцы.

– Вчера ночью мы разговаривали, – прошептала она, и ее слова напугали меня. – Он задавал мне вопросы.

– Так, допустим, – я вывела ее в коридор. – Но ты же ему сказала, чтобы он игрался в своей песочнице?

На этих словах Чарли словно приросла ногами к скрипучему деревянному полу.

– У него есть своя песочница?

– Глупенькая, нет же. – Я наклонилась, чтобы заглянуть ей в глаза: – Так говорят, чтобы тебя оставили в покое.

– Значит, сейчас ты мне веришь, – сказала она, будто, произнесенные вслух, эти слова станут правдой. – Веришь, что он там. Зедок.

Она указала на дверной проем в конце длинного коридора.

Без включенного в коридоре и ванной света путь в спальню Чарли действительно выглядел жутко.

– Говорю же, Чессер, в твоей комнате никого нет, – я нажала на выключатель, и огромная хрустальная люстра, висевшая над парадной лестницей, зажглась золотистым светом. – Этот дом очень большой и старый, в таких местах всегда что-то шумит. – Однако когда я осознала, что точно так же мне частенько говорили взрослые, то поспешила исправиться. – Просто представь, что у нашего дома несварение, и он портит воздух.

Обычно такие шутки заставляли Чарли хохотать, но на этот раз она даже не улыбнулась. Я осторожно потянула ее дальше, но легче было бы сдвинуть с места наковальню.

– Внутри домов не должно быть других домов, – сказала она.

– Верно, – согласилась я.

– А в этом есть, – снова прошептала она, будто опасаясь, что нас могут подслушивать.

Я присела на корточки и спросила ее:

– Что на самом деле с тобой происходит, Чесс? Раньше ты никогда не просилась ночевать в моей комнате.

– Потому что раньше в моем шкафу никого не было.

Справедливое суждение.

– Давай мы вместе заглянем в твой шкаф, и я докажу тебе, что ты ошибаешься?

Чарли кивнула, глядя на меня своими огромными, как серебряный доллар, глазами.

Ее абсолютная серьезность и уверенность в том, что я с легкостью смогу справиться с ее воображаемым врагом, вызвали у меня улыбку.

Встав, я пошла в комнату Чарли и включила свет. Дверь шкафа была уже открыта, и его небольшое пространство ожидаемо пустовало.

В новом доме мы успели пожить только неделю, поэтому все наши вещи еще томились в чемоданах. Нам так надоело упаковывать вещи, даже не успев их до конца разобрать, что мы смирились с жизнью на чемоданах. А наш отец и вовсе порекомендовал отказаться от бестолкового хранения вещей в шкафу.

Ни одно место мы не могли по-настоящему назвать домом. По крайней мере, с тех пор, как родилась Чарли.

– Теперь видишь? – спросила я, взглянув на младшую сестру, на цыпочках стоявшую в дверном проеме. – Там никого нет.

В ответ последовало молчание. Чарли просто стояла и пялилась на стену с потрескавшейся штукатуркой внутри пустого шкафа.

– Здесь же был дом, – сказала она. – Совсем как наш, только лучше.

Мои плечи опустились. Глупо было думать, что мой план сработает. Настала пора менять тактику.

– А как насчет такого? – заговорила я, хватая с кровати ее набивного осьминога по имени Чекерс. – Что, если на ночь мы поменяемся комнатами? Я буду спать здесь, а ты с Чекерсом поудобнее устроишься у меня.

– Но он и в твой шкаф сможет залезть, – незамедлительно выпалила Чарли.

– Вот и прекрасно, – произнесла я, теряя терпение. – Тогда ты сможешь отправить его ко мне. Этого Зибо...

– Зедока.

– Да, его. – Пожалуй, позже я пожалею о том, что собираюсь ее одурачить. – Так вот, отправь его в мой шкаф, а я скажу ему убраться прочь.

– Он просил передать тебе, что вы можете встретиться во сне. – Она провела большим пальцем по губам: нервная привычка, когда она боялась, что у нее будут неприятности. – А еще он сказал, что ты ни за что не поверишь в его существование, когда услышишь об этом от меня. Поэтому просил еще передать, что знает о твоей симпатии к парню со светлыми волосами.

– К Крису Хэмсворту? – сухо спросила я.

– К Кайлу, – ответила Чарли.

Я рассердилась на нее, хоть и не должна была. Скорее всего, мой слишком заботливый отец попросил ее побольше разузнать о привлекательном парне из класса по химии, которого я, может, и упоминала пару раз, но только затем, чтобы потом он не доставал меня неловкими вопросами, если у нас с Кайлом действительно что-нибудь наметится. А в итоге Чарли только ухудшила ситуацию, смешав эту дурацкую историю о Зедоке с моей личной жизнью.

Не исключено, что все это хождение по пятам и разговоры про «монстра в шкафу» говорили о чем-то большем и более важном.

Возможно, Чарли не ощущала стабильности. И, возможно, ее мучило то же чувство одиночества и изолированности в этом обветшалом дворце, что и меня.

Наш нынешний дом сильно отличался от тех, которые отец покупал раньше. По крайней мере, этот особняк семейки Аддамс в стиле «Дома Ашероу» Эдгара По был самым амбициозным проектом отца. Как и самым рискованным.

На перепродажу других домов обычно уходило три-четыре месяца, и без участия подрядчика, конечно, не обходилось. На этот же дом явно потребуется больше предполагаемых шести месяцев, чему я радовалась, на самом деле, потому что смогу закончить школу в одном месте, в Лангдоне. И хотя были только я, Чарли и отец, мне понравилась идея большого дома, в котором каждому нашлось бы место, чтобы расслабиться. Как и понравилась мысль, что на выпускной церемонии мне не придется сидеть рядом с незнакомцами.

Было бы здорово завести друзей, живущих неподалеку, и они все пришли бы на мою грандиозную вечеринку, которую я уже нарисовала у себя в голове. Я, в обтягивающей майке и шортах, непременно везде рядом с мускулистым загорелым Кайлом.

Может быть, на этот раз наш отец решил подарить нам возможность хоть здесь привыкнуть к вкусу воды из-под крана, поэтому взялся именно за этот проект. Однако даже древнее сломанное пианино могло сподвигнуть его на покупку целого дома.

Для всех других отец казался самым прагматичным человеком в истории человечества, но я одна знала, что в глубине души он не был таким.

– Стефани, – прошептала Чарли, – мне очень страшно здесь.

Что она имела в виду? Свою комнату или весь дом?

Я знала, что лучше не спрашивать. Вместо этого я нежно улыбнулась и подошла к ней. Чарли была права, в этом доме что-то присутствовало. То же, что мы тащили с собой в каждый новый дом с тех пор, как уехали из города Сюрэкс. Вы могли бы подумать, что я говорю о призраке.

Да, но только о том, что живет в сердце.

– Ну же, перестань. – Я обняла сестренку и отдала ей Чекерса. – Самое время для пижамной вечеринки с ночевкой! Но только сегодня, договорились?

– Ладно, – прошептала она на ушко, но по ее напряженному тельцу было очевидно, что она не слышала ни единого слова. Вместо этого она не сводила взгляда с открытой двери шкафа и, очевидно, думала только о монстре, которого придумала.

Со светящимися глазами. Преследовавшее ее во снах существо по имени Зедок.

Уверена, его появление не имело никакой связи с переездом в новый дом. Скорее всего, просто Чарли достигла такого возраста, когда стала замечать, чего так сильно не хватало в ее жизни.

Или кого.

Глава вторая. Зедок

Исцарапанный паркет гостиной был усыпан цветными карандашами, а пианино едва виднелось из-под слоя небрежно разбросанной одежды.

Это пианино было моим.

Чарли самозабвенно раскрашивала мою нотную тетрадь, обнаруженную, как ни странно, на скамье для пианино.

И эти ноты тоже были мои.

Я, не торопясь, подошел к ней, и моя тень окутала ее маленькое тело.

Чарли даже не обернулась. Но замедлилась и теперь не так пылко разрушала мои труды своими рисунками.

Где-то на втором этаже хлопнула дверь, и юный женский голос прокричал о чудесном кофейном аромате, заполнившем все комнаты огромного особняка.

Мистер Ричард Арманд, новый официальный владелец дома, резко выкрикнул ей в ответ из кухни рядом, после чего наверху хлопнула вторая дверь. Затем послышался звук льющейся воды и звон посуды.

Дни напролет весь этот шум доносился сквозь стены от этого дома – обветшалой, но живой версии – до моего. Сохранившегося новым, но безжизненным.

Стиснув зубы, я поблагодарил судьбу за то, что мне досталось такое юное создание, чье сознание, в отличие от старшей сестры, еще не покрывал ржавый налет логики и разума. В теории Чарли должна помочь мне все ускорить. Вот только какой финал она приблизит, если продолжит уничтожать мою работу... Поживем – увидим.

– Что ты натворила? – мой голос прозвучал как никогда строго.

Чарли не ответила. Вместо этого она поднялась, сжимая один из своих карандашей так, будто он мог послужить достаточным оружием против меня. Ее взгляд метнулся от меня к открытой двери и обратно.

Она посмотрела мне прямо в глаза, и я ответил ей таким же взглядом сквозь прорези в своей маске. Пока рисунок у ее ног не привлек мое внимание.

Черная фигура в капюшоне закрывала ноты, портя их. Чарли почти в точности изобразила серую маску с едва различимыми чертами мрачного лица. Что еще более поразительно, она темными линиями изобразила похожий на решетку рот маски, состоящий из костяных замочных скважин.

Нижняя часть укутанной в плащ фигуры растворялась в пятне тьмы. Что, полагаю, тоже было достаточно точно.

– Разве недостаточно того, что вы вторглись в мой дом? – спросил я. – Или вам еще непременно нужно уничтожить единственное, что способно удерживать худшее зло подальше отсюда?

– С-стефани сказала, чтобы вы игрались в своей песочнице! – ответила она, несмотря на дрожь, с такой решимостью, какой еще ни разу при мне не демонстрировала.

– Стефани, – усмехнулся я, даже не пытаясь понять ее слова про песочницу. Сестра Чарли была именно той темой, которую мне нужно было с ней обсудить. – Похоже, она по-прежнему в меня не верит, даже несмотря на твои старания переубедить ее. А пока этого не случится, она не сможет ни видеть, ни слышать меня. Знаешь, что это значит?

Карандаш в руках Чарли сломался от того, как сильно она его сжимала, и я замолчал, впервые с тех пор, как зашел в комнату, посмотрев на себя со стороны.

Вид изрисованных нотных листов, ставших теперь бесполезными, подтолкнул меня к той черте, которой я так боялся. И усугубляло все то, что в доме были люди. Этот факт заставил меня взять себя в руки, потому что я ни в коем случае не мог сорваться.

Семейство Армандов не позволило бы мне.

– Это значит, – сказал я помягче, – что вся твоя семья не сможет уехать отсюда так скоро, как следовало бы. Даже если вы решите уехать сегодня, все равно это будет недостаточно быстро.

До сих пор Стефани была наибольшим препятствием на моем пути.

В отличие от своей младшей сестры, эта девушка слишком хорошо понимала, как устроен мир. Гораздо лучше любой молодой леди моего времени.

Но в итоге ни Стефани, ни ее отец не могли противостоять мне. Да вообще никто не мог, кроме экстрасенса. Разве не поэтому я так нуждался, чтобы эта семья навсегда покинула мой дом?

– Почему мы должны уехать? – с вызовом спросила Чарли. – Может, ты сам уедешь?

– На мне лежит проклятье, – огрызнулся я. – От моей разбитой души остались лишь осколки, которые навсегда заточены в этом доме. Они валяются вокруг меня так же, как тебя сейчас окружают разбросанные карандаши. Теперь понимаешь?

Она отрицательно покачала головой.

Новая волна разочарования прокатилась по мне, и я сделал еще один шаг, раздавив еще больше карандашей каблуком своих черных сапог для верховой езды. Резко остановившись, я наклонился, чтобы поднять лист со своей уничтоженной работой.

– Полагаю, на всех твоих рисунках я? – спросил я, и на этот раз Чарли кивнула.

Услышав это, я разорвал бумагу на мелкие клочки, а затем швырнул через комнату.

– Вот так, – свирепо произнес я, вновь повернувшись к ней лицом. – Теперь тебе понятно, о чем я?

Чарли поспешно отскочила, отгородившись скамьей для пианино.

– Ты ужасный человек! – она схватилась за скамью, еле сдерживая злость.

– Еще какой, – прошипел я.

Тело Чарли дрожало, но она практически швырнула в меня половинки сломанного карандаша.

Его кусочки отскочили от меня и застучали по полу. Я отбросил полы плаща назад, и Чарли, как маленькая испуганная мышка, с визгом бросилась в укрытие под тканью, укрывающей пианино. Носок одного ботинка все еще выглядывал из убежища, и его маленький размер заставил меня снова остановиться. Ее страх не пойдет мне на пользу. По крайней мере, не так, как влияние, которое она оказывает. И в данный момент второе было важнее, чем первое.

– Думаю, теперь ты поняла, – пробормотал я больше себе, чем ей. – По-своему.

– Я тебя не боюсь.

Я так сильно сжал руку в кулак, что кожаная перчатка закрипела, но затем расслабил пальцы и заложил руки за спину, решив начать все заново. В чем смысл пугать Чарли, если самостоятельно она не смогла добиться нужного мне результата – пустого дома?

Все шло совсем не по плану. Прошло уже больше недели, а Стефани упорно отказывалась верить в мое существование, несмотря ни на какие слова своей младшей сестры.

– Мне и не нужно, чтобы ты боялась меня, – сказал я.

– Вот и славно! – снова послышалось из-под укрытого пианино. – Потому что это не так.

– Тогда ты не откажешься мне помочь?

– Стефани все равно сделает так, что ты потеряешься.

– Проблема в том, что я и так заблудился, дорогая, – ответил я, по-прежнему обращаясь к пианино.

– Ты сделаешь нам больно?

Ее вопрос просочился сквозь остатки моего гнева, и я нахмурился.

– Этого мне не хотелось бы, – признался я. – Именно поэтому ваша семья должна уехать.

Чарли слегка отодвинула ткань и украдкой взглянула на меня:

– Как так вышло, что тебя разорвало на части?

И что мне на это ответить? Как объяснить ребенку, что со мной случилось, когда я и сам спустя столько времени не до конца все понимаю?

– Твое лицо тоже разорвано? – любопытствовала она. – Поэтому ты носишь маску?

Свет начал мерцать, и лампочка ближайшей лампы лопнула. Я усмехнулся под маской, скрывавшей мое лицо, чьи бесцветные губы раздвинулись.

– Вчера, – заговорил я, пытаясь вернуть нас к нужной теме разговора, – ты вместе с отцом спускалась в подвал. Больше этого не делай, хоть одна, хоть с кем-то. Я понятно выразился?

– Почему? Ты сделаешь больно нашему папочке? Или Стефани, если она спустится вместе с ним?

– Я не знаю, – ответил я, потому что и правда не знал.

– Ч-что ты такое?

Подойдя к пианино, я приподнял ткань и увидел съжившуюся Чарли и часть потрепанных временем, сломанных клавиш.

Было время, когда мои руки, словно пара прекрасных пауков, бегали по этим самым клавишам и извлекали из скрытых струн волшебные звуки. А как эта музыка наполняла дом, который по эту сторону уже разваливался, и мою душу, которая тоже теперь лежала в руинах, но по другую.

Это старое пианино. Его истинное состояние. Неужели меня так сильно тянуло к нему и хотелось его сберечь лишь потому, что мы были необычайно похожи? Оба слишком повреждены, чтобы издать нечто большее, кроме диссонанса, разрушающего наши полые тела.

– Я больше не знаю, кто я, – пробормотал я.

– Чарли! – позвала Стефани, и звук ее шагов оповестил о том, что она спускается по лестнице. – Чарли?

Приближение сестры придало Чарли мужества, и она выскочила из укрытия, стуча ботинками по разбросанным клочкам нот, которые я все равно не смог бы сыграть.

– Чарли! – воскликнула Стефани, когда младшая сестра чуть не врезалась в нее, и оглядела развернувшуюся сцену. – Боже мой! Что здесь случилось?

Чарли переводила взгляд с меня на сестру в надежде, что в любой момент та наконец меня заметит.

Мы оба на это надеялись, хоть и по разным причинам.

– Я-я просто рисовала, – ответила Чарли.

– Это я вижу. Но зачем ты порвала свои рисунки и разбросала их по всей комнате? Это некрасиво.

– Это не я.

– Дай догадаюсь, – сухо начала Стефани. – Пришел Зедок и разорвал все рисунки, так?

– А потом разбросал, – попытожила Чарли.

– О, правда? – вздохнула Стефани и наклонилась, собирая все обрывки в одну стопку. – И зачем ему так делать?

– Возникли проблемы, – прошептала Чарли, – из-за того, на чем я рисовала.

– О чем ты говоришь? – Стефани подошла к разбросанным карандашам. – Нет у тебя никаких проблем. Лучше иди сюда и помоги мне все собрать.

Пока они вместе убирали весь этот бардак, Чарли пристально наблюдала за мной, а я скользнул взглядом к своим пальцам, которыми коснулся клавиатуры пианино.

– Послушай, – пробормотала Стефани, складывая карандаши в железную коробку, – завтра мне нужно пораньше уехать в школу, чтобы закончить домашнее задание, поэтому тебя отвезет отец. Но позже я тебя заберу, хорошо?

Я нажал на аккорд, и Чарли испуганно подпрыгнула от неприятного звука.

А вот Стефани никак не отреагировала. Она подошла к пианино и уже схватилась за чехол от пыли, но заколебалась. Стефани опустила свободную руку на открытые клавиши, однако не спешила на них нажимать. Вместо этого она провела пальцами по уцелевшим клавишам и по углублениям, в которых их не доставало.

Я вгляделся в лицо девушки и увидел на нем выражение, которое не мог не узнать.

Она прислушивалась... к музыке.

Тот факт, что я не мог тоже ее услышать, отозвался глухим эхом зависти. Но она угасла так же быстро, как и появилась, сменившись еще более опасным чувством – любопытством. Опасным, потому что худшей идеи, чем удовлетворить его, не могло прийти мне на ум.

И все же, находясь так близко к Стефани, даже самый большой глупец не смог бы не заметить боль, которая на мгновение исказила черты ее лица.

Я оглянулся на Чарли в надежде понять причину боли ее сестры.

Но Стефани прервала момент, снова накрыв пианино чехлом от пыли.

– Идем, тебе нужно позавтракать, – обратилась она к Чарли, отвернувшись от пианино и от меня. – Ты какая-то бледная.

С этими словами она взяла сестру за руку и повела на кухню, но Чарли смотрела на меня до тех пор, пока они не скрылись из виду.

Неожиданно я перестал быть единственным невидимым обитателем этой гостиной. Этого дома.

Какая музыка сейчас звучала в голове Стефани?

Чья музыка?

Опасные вопросы, о которых мне не следовало размышлять. Особенно учитывая клятву, которую я дал одному неприятному человеку и запрещающую мне вмешиваться в жизни всех живых людей, встречавшихся на моем пути.

Неважно, что слышала Стефани в своей голове, по-настоящему важно должно быть только то, что она не слышала меня.

Но, возможно, после сегодняшнего общения Чарли скажет что-нибудь, что изменит ситуацию.

А пока что мне придется воспользоваться тем, что меня не видят и не слышат, чтобы спланировать хитроумный, но более надежный ход для достижения желаемого результата.

Насколько огромными кажутся нависающие над тобой тени, когда ты не видел, как они постепенно удлиняются? Когда убедил себя, что их там вообще не было?

Достаточно огромными, чтобы поглотить тебя до того, как ты успеешь понять, что наступила ночь.

Держу пари, никто в мире не понимал этого лучше меня.

Глава третья. Стефани

Тот парень. Тот. Парень.

Я оторвалась от вычислений, которые из-за Чарли вчера не закончила.

Наверное, я бы с легкостью уже с ним расправилась, если бы ко мне не прицепилась где-то по пути суперотвлекающая тень. Он сидел через два стола от меня в пустой школьной библиотеке, наполовину скрыв лицо за толстым романом, который он даже не пытался читать.

Время от времени я ловила на себе его взгляд, но линзы очков в черной толстой оправе, которые он носил, отражали свет люминесцентных ламп над головой, из-за чего невозможно было разглядеть выражение его лица.

Хипстерские Очки, как я стала его называть про себя, впервые появился вчера – в то же самое время, на том же месте. Эти факты исключали то, что я могла страдать шизофренией. Дело в том, что вчера я заметила его целых три раза.

Во время обеда он дважды медленно прошел мимо моего столика, сжимая свой поднос, словно не мог вспомнить, где до этого всегда сидел. А после уроков я заметила его прислонившимся к стене рядом с моим шкафчиком все с той же книгой. Он снова делал вид, что читает.

Сегодняшнее утро стало последним в этой псевдошпионской игре. И мне ужасно хотелось сказать ему, что я знаю, где найти такого же жуткого друга, как он сам, но для этого придется пойти ко мне домой и, видимо, остаться на ночь в шкафу Чарли, чтобы познакомиться с ним.

Встав, я сложила свой учебник и блокнот в сумку. Если высказать все ему сейчас, то у него будут целые выходные, чтобы понять, каким невообразимым чудачком он себя выставил. И к тому же мне больше не пришлось бы с ним «случайно» сталкиваться.

Когда я подошла ближе, Хипстерские Очки застыл, а его плечи, украшенные подтяжками, напряглись.

Думаю, он очень надеялся, что я пройду мимо, а не остановлюсь рядом с его столом. Он метнул на меня взгляд, и мне впервые удалось разглядеть его глаза сквозь линзы.

Ух ты, они были голубыми.

– Привет, – сказала я.

– Э-э-э... – он моргнул, его винтажная стрижка с уложенной набок челкой придавала ему (небезуспешно) ретрокрутой вид. – Х-хей.

Он так произнес букву «х», будто это я тут веду себя странно. И это еще больше повысило мое раздражение.

– Я не хожу на свидания, – выпалила я. – Не делаю домашнее задание за деньги, также не принимаю и не торгую наркотиками. И мне не нравится, когда за мной следят.

Его лицо стало пунцовым. Именно на такую реакцию я и рассчитывала, потому что мои слова заставили его перестать скрываться и лишили возможности найти какие бы то ни было лживые оправдания.

– Я за тобой не слежу.

Он захлопнул свою книгу, бегая взглядом вокруг, возможно, в поисках библиотекаря или кого-то, кто мог нас подслушивать.

– Да что ты, – невозмутимо произнесла я. – Значит, ты не следовал за мной повсюду?

– Следовал, да, – разумно признался он, поняв, в какой угол его загнали. – Слежка же, в отличие от следования, подразумевает постоянное наблюдение за жертвой, а также сбор и анализ информации. Есть разница.

Он решил преподать мне урок лексики?

– Ты же понимаешь, как невыносимо жутко себя ведешь?

– Понимаю! – наорал он на книгу. Я точно знала, что он искренне злился только на самого себя. Мало того, что от воротника его белой рубашки, застегнутой на все пуговицы, по шее поднимался все более густой алый румянец, так я к тому же буквально чувствовала исходящий от него жар унижения.

«Умница, Стефани. Ты как следует запугала любопытного троюродного брата Кларка Кента».

– Знаешь... – начала я, но он меня перебил.

– Я очень долго пытался понять, как с тобой заговорить, чтобы не напугать, – сказал он, подскочив на своем месте, и начал подниматься на ноги. И все поднимался и поднимался.

Я с трудом сглотнула и запрокинула голову, чтобы оценить его рост, почти ожидая, что у него из носа вот-вот хлынет кровь.

– Миссия провалена, – произнесла я, изо всех сил сопротивляясь сильному желанию сделать шаг назад, потому что иначе он победит. Парень просто стоял, но с каких пор это стало выглядеть так горячо?

Широкоплечий, с конечностями, почти слишком длинными для его тела, но в этой одежде он выглядел таким модным чудачком, который будто вышел прямо из сороковых годов и упал в аппарат для изготовления тянучки.

– Я вовсе не маньяк.

С этими словами он оперся на одну ногу, обутую в конверс, и положил свои огромные руки на талию. Я уставилась на его мускулистые предплечья, покрытые волосками, так как он закатал рукава рубашки до локтей. М-м-м. Отличное телосложение, но... нет.

– Допустим. Тогда зачем ты следишь за мной?

– Дело не в тебе, – торопливо ответил он. Возможно, потому что библиотекарь, мисс Гэри, вернулась на свой пост, сигнализируя, что до начала уроков осталось лишь несколько минут. – Меня интересуешь не ты, а твой...

– Мой что? – полюбопытствовала я.

– Твой дом.

Я недоверчиво посмотрела на него:

– Мой дом? Это какой-то эвфемизм для?..

– Нет, конечно!

Мы оба посмотрели на мисс Гэри, которая взглядом прожигала дыры в Хипстерских Очках. Повернувшись обратно ко мне, он снова понизил голос:

– Ты живешь в «Молдавии».

– В Румынии?

– Нет, – он поднял руку, будто я испытывала его терпение. – Так называется твой дом. Точнее, назывался, прежде чем... его населили призраки. В смысле, настоящие призраки.

Я сверкнула на него сердитым взглядом, стараясь передать все мое пренебрежение и скептицизм:

– Ты преследуешь меня повсюду, потому что думаешь, что в моем доме живут призраки.

– Я преследую тебя, потому что знаю это, – его голубые глаза загорелись странным голодом. – Конечно, ты не в первый раз это слышишь.

Теоретически он был прав. Чарли тоже говорила, что в ее шкафу живет страшный монстр. Но когда я уложила ее с собой, никаких больше упоминаний о чудовищах в шкафах не последовало, и мы обе крепко уснули.

И вообще, я не верила в привидения или во что бы то ни было, если это нельзя было измерить, зафиксировать или доказать их существование.

– Вообще-то, ты первый мне об этом говоришь, – решила я приврать, – потому что я никому не говорила, в какой дом переехала.

Он вмиг побледнел, а румянец на щеках бесследно пропал.

– Я-я слежу за этим домом, – начал он заикаться. – Он пустует уже много лет, и никто не задерживался там дольше, чем на несколько месяцев.

– Так это потому, что он едва пригоден для жизни.

– Он ведь достался вам за гроши?

– Верно, он разваливается по частям, поэтому наш отец его перепродает.

Я нахмурилась. Зачем я это рассказываю?

– Вы хотя бы интересовались историей дома, прежде чем купить его? – поинтересовался парень, сложив руки на груди.

– Что тебе нужно? – спросила я, повторив его позу. Похоже, это заставило его почувствовать себя еще более некомфортно, потому что он опустил руки.

– Мне просто... любопытно, – сказал он. – Потому что раньше я никогда не разговаривал с жителями этого дома. И хотел спросить... Ну, не замечала ли ты что-нибудь странное.

– Ты странный. Это считается?

Он посмотрел в сторону мисс Гэри за стойкой, которая делала вид, что занята работой и совершенно нас не подслушивает.

Опустив взгляд на свои кеды, он кивнул.

Я подавила победную ухмылку, почти сочувствуя ему.

– Вообще-то, – сказала я уже мягко, – когда мы только въехали, случилось кое-что странное.

Он медленно поднял на меня глаза, стараясь понять, насколько я серьезна.

– Я слышала голос, доносившийся сквозь стены. Это был тот... парень.

Хипстерские Очки молчал, но его серьезный и хмурый взгляд, который с каждой секундой становился все нетерпеливее, явно кричал: «Что же сказал этот голос?»

Так что я решила завершить свое представление:

– Он сказал, что его зовут Бадди Холли, и он просил передать тебе, что хочет вернуть свои очки.

С этими словами я прошла мимо него и бросила последний взгляд на мисс Гэри, которая, могу поклясться, улыбалась, хоть и не поднимала глаз.

– Эй, – окликнул меня Хипстерские Очки. Я остановилась, но не повернулась. – Кто такой Бадди Холли?

Над головой прозвенел звонок, и я оглянулась через плечо.

– Призраков не существует.

– Ну, тебе стоит дать мне свой номер телефона, – сказал он, уже не заботясь о том, что может подумать мисс Гэри. – На случай, если окажется, что они все-таки есть.

– Ты же сказал, что уверен в их существовании.

Я быстро развернулась, чтобы он не заметил моей ухмылки, и поспешила в шумный коридор.

Глава четвертая. Зедок

По коридорам моей части дома разнесся визг пилы, как будто гарпия пиновала своей еще живой добычей, предаваясь сладкому пороку.

Мистер Арманд, ответственный за весь этот адский шум, стоял посреди гостиной, нынешняя версия которой, с потрескавшейся штукатуркой на стенах и дырявым потолком, едва напоминала мою собственную.

Мужчина работал в защитных очках и не видел меня, хотя я стоял прямо под аркой у входа в гостиную, между открытыми раздвижными дверями.

Я больше часа наблюдал за мистером Армандом, злясь на него. А что еще мне оставалось делать, когда обе версии дома наполнял такой ужасный шум?

Если он и чувствовал мое присутствие, то не подавал виду.

Не сказать, что мне этого очень хотелось. Я уже приходил к нему во снах, как и к Стефани, но нужного эффекта так и не добился. Правда, так как его работа была направлена на восстановление их версии этого дома, я поддался искушению и подкинул ему образы особняка, каким он был раньше.

Он не задержится здесь достаточно долго, чтобы сделать дом хотя бы наполовину похожим на прежний, но я получил некоторое удовольствие, рассказав мистеру Арманду, как все сделать правильно.

Мистер Арманд своим мощным телосложением, темно-каштановыми волосами, бородой и усами напомнил мне рабочих верфи, которых я видел мельком, когда впервые приехал в Америку. И в этот момент, глядя, как он внешне сосредоточен на работе, а мысленно находится совсем в другом месте, я задумался, кто же из нас больше похож на призрака.

Я бы сказал, что никто. Кроме миссис Арманд, которой фактически не было, но которая незримо заявляла о своем присутствии.

В доме появились семейные фотографии, но ни на одной ее не было, в разговорах ее тоже почти никто не упоминал. Еще мистер Арманд больше не носил свое кольцо, хотя я видел уже пару раз, как он доставал его из сейфа и просто рассматривал, прежде чем убрать обратно.

Та утренняя интерлюдия Стефани с пианино не выходила у меня из головы, хотя я всеми силами старался отогнать мысли об этом. И теперь мистер Арманд, периодически бросающий взгляды на пианино, подтвердил мои догадки.

Миссис Арманд в какой-то степени еще оставалась с ними. Не так явно, как когда ее не стало.

Но боль здесь была еще свежа.

Хоть от этого было не легче, но существовало несколько вещей, отравлявших жизнь сильнее потери.

Мое любопытство угасло, и я оставил мистера Арманда наедине с сердечной болью и направился к парадной лестнице, которую, как и эту сторону дома, теперь можно было назвать величественной лишь в их разрухе.

Будь Чарли дома, она бы услышала, как я поднимаюсь по лестнице. Но обе девочки сейчас были в школе.

Преодолев последние ступеньки, я двинулся по коридору и вошел в открытую дверь комнаты Стефани.

Мое воспитание, которым мать занималась с самого моего рождения, до этой секунды не позволяло мне вторгаться в покои Стефани. Но сейчас разум и стремление к цели, не говоря уже о нехватке времени, требовали забыть о воспитании, чтобы исследовать ту небольшую трещину, которую я нашупал в броне Стефани.

Избегая своего отражения в зеркале комода, я начал искать что-то, что подскажет мне ответы.

Слово «спартанская» пришло мне на ум, когда я осмотрел комнату и оценил количество вещей Стефани, большинство которых все еще лежало в закрытых коричневых коробках, составленных стопкой.

Однако один предмет привлек мое внимание.

На прикроватной тумбочке, рядом с подушкой Стефани, стояла простая фарфоровая статуэтка преклонившего колени ангела со сложенными крыльями. Размером с ласточку, он сидел, опустив безликое лицо, и слушал музыку своей безмолвной лиры.

Эта находка меня заинтриговала.

С самого переезда Стефани не видела и не чувствовала меня ни в каком качестве. Даже появляясь в ее снах, я оставался незамеченным.

Поэтому, вынужденный исполнять роль вуайериста, я наблюдал, как она в своих ночных фантазиях предавалась чувствам к желтоволосому парню. Которого, судя по подслушанному разговору Стефани с отцом, звали Кайл Бенедикт.

Меня не так сильно заботило то, что Стефани меня не видит, как наличие этого фарфорового ангела.

Потому что отведенное ему особое место в совершенно не обставленной комнате говорило о том, что девушка относилась к нему с неким почтением.

А также о том, что она верила.

Стефани, которая уверена в себе, всегда держит свои эмоции под контролем, рассудительна и склонна доверять лишь фактам.

Неужели она действительно верила в таких неземных существ, как ангелы? Или эта статуэтка была таким же бессмысленным символом утраты и воспоминаний, как и кольцо мистера Арманда?

Я поднял ангела, сжав его в своей ладони, и нахмурился, когда взглянул в лицо, которого у него не было. Я будто услышал откровение, которое он мне беззвучно прошептал.

Разве я тоже не обладал лицом, которое мне больше не принадлежало?

Я отвел взгляд от ангела, сделав то, чего старался никогда не делать: повернулся к зеркалу Стефани лицом в маске и плаще.

Сквозь отверстия маски на меня смотрели два светящихся огонька. Я отвернулся, и мои мысли закручивались все быстрее, пока меня не осенило.

Почему мне раньше не приходило в голову, что, возможно, я все делал неправильно?

Стефани была прагматичнее самой арифметики.

Учитывая ее характер, скорее всего, потребуются месяцы хождения за Чарли, чтобы она заметила хотя бы намек на мое присутствие.

Зато *он*...

Действительно, кто еще мог бы повлиять на нее, кроме Кайла Бенедикта?

Несмотря на все мои усилия, Стефани четко дала понять, что в ее мире нет места монстрам в масках.

Сможет ли она принять, если ей во сне явится ангел?

Самому мне не довелось увидеть ни одного ангела. А благодаря проклятью я уже никогда не смогу этого сделать.

Но когда-то я хорошо был знаком с дьяволом, который без малейших затруднений мог притвориться полной своей противоположностью.

Мой план созрел, и я, удовлетворенный этим, направился к выходу из комнаты, попутно поставив фигурку ангела на комод.

Сегодня ночью Чарли может спать спокойно. Как и во все последующие ночи, если благодаря моему новому плану мне удастся достучаться до того, кто действительно мне нужен.

До ее старшей сестры.

Глава пятая. Стефани

– Ну, папа, поздравляю, – сказала я, присоединяясь к нему на подъездной дорожке. Мы смотрели на чудовище, которое возвышалось над нами, как седой зверь. Наш новый дом. – Теперь мы настоящие Мюнстеры¹.

Красный плющ вился по трехэтажной башне, увенчанной шпилем. Имелась и вторая, более низкая башня, но ее крыша сливалась с другими шатрообразными секциями, венчающими остальную часть дома. Хотя серая каменная кладка создавала ощущение поместья Уэй-нов, архитектура и фасад сильно напоминали старомодный жуткий кукольный домик, который бросили гнить на чердаке.

– Сейчас, – наконец заговорил отец, – дом больше в духе семейки Аддамс. Они всегда казались мне более аристократичными, ты так не думаешь?

– У них был дворецкий, – признала я.

Быстро промчавшись мимо нас и топая ботинками, Чарли устремила к клену с изогнутым стволом, который рос перед домом на покрытой листьями лужайке. Только в последний момент я заметила то существо, которое так сильно привлекло ее внимание. Увы, оно уже отчаянно обратилось в бегство.

Это оказался огромный мотылек.

Он вспорхнул со ствола дерева за секунду до того, как Чарли смогла разоблачить его маскировку. Как она вообще его разглядела?

Пока моя младшая сестра охотилась за этой жуткой штукой, мои руки сгибались под тяжестью коричневых бумажных пакетов с продуктами, поэтому один я протянула папе.

Он взял пакет и задал свой традиционный вопрос:

– Как дела в школе?

– Все нормально, – сказала я, предоставив такой же традиционный ответ. – Если не считать того, что я узнала об обитающих в нашем доме привидениях.

– Хм, – тут он забрал у меня второй пакет с продуктами.

– Ну, и когда же ты собирался мне рассказать, что у нас есть призраки? – сказала я, доставая остальные продукты из «Сивика».

Папа усмехнулся, потому что верил в призраков не больше меня.

– Зачем напрягаться? Я знал, что соседские дети сделают это за меня, – ответил он. – Я искренне удивлен, что они так долго тянули с этим, так как был уверен, что ты еще в понедельник вернешься из школы с какой-нибудь дурацкой историей.

Чарли пронеслась мимо нас обратно к машине, где она оставила свой ланч-бокс «Мой маленький пони».

– Ну, для начала, чтобы говорить о соседских детях, нужно жить с ними по соседству, а во-вторых, в отличие от тебя, я не распространяюсь о том, что живу в древней викторианской ловушке смерти.

– Да ладно, не все так плохо, – он скривил губы, и его темная борода пошевелилась. – Просто держись подальше от подвала.

– Почему? Ты спускался туда сегодня?

– Нет, я на самом деле немного боюсь туда возвращаться.

– Из-за призраков? – теперь настала моя очередь усмехаться.

– Потому что я почти уверен, что нам понадобится новый котел, и мне даже знать не хочется, во сколько обойдется обогрев такого большого дома. Помимо этого, я все еще жду счет за установку там стиральной машины и сушилки. По-настоящему страшные вещи.

¹ Мюнстеры – семья, члены которой являются главными героями американского ситкома 1960-х «Семейка монстров».

– Да уж. – Я оглянулась на Чарли, распахнувшую заднюю дверь «Сивика». – Мне нужно знать все, что рассказывал об этом месте риелтор.

– Зачем тебе это? Ты заметила что-то странное?

– Не я.

– Наша Чесс?

Мы посмотрели друг на друга, и его мрачный взгляд из-под нахмуренных бровей меня обрадовал. Ему было не наплевать.

– Прошлой ночью Чарли пожаловалась на то, что в ее шкафу какой-то мужчина. Боюсь, одноклассники могли что-то ей рассказать. Похоже, это место – своего рода средоточение паранормального. Или ты все это уже слышал?

Папа снова хмыкнул.

– Пап, – я посмотрела на него. – Что сказал риелтор?

– Ничего такого, – пожал он плечами. – В шутку я спросил, есть ли в этом доме привидения. В основном, чтобы заставить его попотеть, потому что риелторы обязаны предупреждать о таком, если их спрашивают.

– И он просто сказал «Да, здесь водятся призраки»?

– Он проверил документы и сказал, что об этом месте «ходят слухи». Но никаких историй ему неизвестно. А что? Ты услышала сегодня что-нибудь интересное?

– Да ничего конкретного.

– Ну что ж. – Он рассмеялся, и его смех, который я так любила, напоминал трение наждачной бумаги о камень. – Это может стать забавным исследовательским проектом. А после того, что сегодня обнаружил, я даже знаю, с чего можно начать.

– И с чего же?

– Скажем так: если этот риелтор еще раз попадется мне на глаза, я с удовольствием оправдаю свою прежнюю репутацию и врежу по его точеной челюсти.

На самом деле, у отца был небольшой послужной список. После увольнения из армии и до знакомства с мамой он несколько раз дрался в баре. В один из них он оказался тем, кто громит стулья и разбивает бутылки о головы. Об этом мне стало известно лишь после маминой смерти. Когда мне исполнилось шестнадцать, папа усадил меня за стол и во всем сознался. Однако не потому, что я могла избавить его от угрызений совести или снять груз с сердца, а потому, что он видел во мне своего адвоката, которому можно и нужно было поведать о содеянном. Чтобы я была в курсе, если эта информация когда-нибудь всплывет. Также папа сознался, что отсидел срок за нападение.

Срок был небольшим, потому что человек, которого он избил, не получил серьезных травм и скоро выписался из больницы. Но мой отец также хотел, чтобы я знала, почему, несмотря на несколько лет терапии по управлению гневом, нормальная работа была не для него. По крайней мере та, которая позволила бы отцу-одиночке должным образом содержать двоих детей.

Только последнюю часть его истории я пропустила мимо ушей. Потому что его тяжелые дни остались так далеко в прошлом, что сейчас он мог бы поселиться в любом городе, где бы ни захотел.

Но папа нуждался в своих проектах по недвижимости и в том, чтобы его окружала благоприятная обстановка, не напоминающая о прошлом. А мне нужен был папа.

Поэтому мы перепродавали дома и переезжали.

– Так о чем он умолчал? – спросила я.

Риелтор, должно быть, упустил какую-то поистине ужасающую информацию, раз папа даже пошутил о нарушении своего многолетнего запрета на насилие.

– Знаешь те заросли травы за домом? Возле леса?

– Ага, и что?

– Оказывается, там спрятано семейное кладбище.

Я с шипением втянула воздух сквозь зубы.

Нам уже доводилось перепродавать дома, в которых, по слухам, жили привидения. И довольно успешно, поскольку призраки, в отличие от комфорта и удобств, не были настоящими. Случалось и такое, что покупатель хотел именно «дом с привидениями».

Но кладбище? Не самый лучший аргумент для продажи.

Я повернулась к нему:

– А ты не можешь засудить его за дезинформацию?

– Как оказалось, не при покупке дома «как есть»², – ответил он, и я поняла, что он уже обдумывал эту мысль и, вероятно, пытался связаться с нужными людьми.

– Что ж, – вздохнула я, похлопав его по спине, – у нас есть полгода, чтобы разобраться во всем.

– И ровно столько же скрывать это от Чарли.

«Как и многое другое», – мысленно добавила я.

– Ничего сложного, – пожала я плечами. – Трава будет скрывать могилы еще месяц, а на зиму можно укрыть их брезентом. В любом случае, Чарли опасно так близко подходить к лесу.

– Тебе тоже следует быть осторожной, – сказал отец. – За деревьями есть озеро, которое относится к другому участку. К тому же лес, возможно, кишит змеями, разными хищными животными и другими тварями.

– Пока что мне хватает той полосы препятствий, которой является наш дом.

– Через три недели ты его даже не узнаешь, – вздохнул он, переминаясь с ноги на ногу в своих рабочих ботинках со стальными носками.

Внезапно Чарли прыгнула между нами с громким «Бу!», которое тут же превратилось в залихватистый смех, хоть никто из нас даже не вздрогнул.

– Хотите на обед чили? – спросила я.

– И спагетти! – выкрикнула Чарли.

– Теперь плита работает, – сообщил папа.

– Просто удача.

Неожиданно папа поставил пакеты с продуктами на дорожку и, обняв меня за плечи, прижал к себе так крепко, что меня окутал аромат его дезодоранта «Олд Спайс».

Губами он коснулся моих волос.

Обычно он проявлял свои нежные чувства крайне неловко и неожиданно.

По крайней мере, со мной.

И это однорукое объятие на его языке означало «спасибо».

Спасибо за то, что я есть. За то, что помогала ему заменять человека, которого нам обоим не хватало и которого Чарли никогда не знала.

Отец поднял пакеты своими мозолистыми ладонями.

Я прекрасно знала, что помогать ему можно даже не пытаться, поэтому решила достать из багажника остальные сумки с продуктами.

Однако при виде гигантского мотылька, который, расправив крылья, уселся на краю открытого багажника, я замерла от неожиданности. Его темное тельце сильно выделялось на фоне ярко-синей краски «Сивика».

Огромное насекомое размером с мою ладонь взмахнуло крыльями с желтым отливом, и его сигарообразное брюшко вздрогнуло. Через мгновение он взлетел, взмыл в небо и улетел.

² «Как есть» (англ. as is) – юридический термин, используемый для отказа от некоторых подразумеваемых гарантий на предмет продажи. «Как есть» означает, что продавец продает, а покупатель покупает предмет продажи в том состоянии, в каком он находится в настоящее время, и что покупатель принимает его «со всеми недостатками», которые проявились сразу или потом.

Но перед этим я успела заметить странный рисунок на спинке мотылька – коричне-вато-желтый череп, характерный для этого вида.

Однако он меня все равно смутил.

Запершись на чердаке, я уселась на старинную кушетку цвета барвинка и с ухмылкой посмотрела на экран своего телефона.

– Лукас Чейни, – сказала я, глядя на профиль, который мне, наконец, удалось найти. Так на самом деле звали Хипстерские Очки.

Досадно, что моя разведывательная операция очень быстро закончилась, потому что из-за его заблокированного профиля я не смогла узнать больше. Только основная информация и несколько фотографий, на которых он был одет, как Арчи³.

– Ясно, – пробормотала я, бросив телефон в подушки.

Затем, пожившись и все еще не желая приступить к чердаку, я снова схватила мобильный.

Тем более на Лукаса было гораздо приятнее смотреть, чем на раскинувшуюся передо мной катастрофу. Мне стало интересно, почему на каждой фотографии он выглядел так, будто собирался на ретровечеринку.

Я могла бы спросить его об этом, а заодно и про тайны нашего дома.

Может, все-таки стоило оставить ему свой номер, когда он спрашивал? Возможно, так бы я и сделала, если бы он не сказал, что его интересую не я.

Глядя на фото Лукаса, я закатила глаза, снова отбросила телефон и встала, потому что захотела глотнуть свежего воздуха. На этом чердаке пахло, как в склепе.

Уложив Чарли, я пришла сюда, чтобы начать свой первый рабочий день на неполную ставку, которую я получала с приобретением каждого нового дома. Отец всегда платил мне, чтобы я наводила чистоту и порядок, пока он выполнял самую тяжелую работу.

Вот только, взглянув на кучу паутины и нажитого десятилетиями хлама, я захотела прилечь и расслабиться. Потому что уборка этого чердака займет вечность, не меньше.

Тем не менее, когда-нибудь мне нужно было приступить к делу.

Я осторожно переступила через груды свернутых ковров и направилась к окну. Мне несколько раз пришлось дернуть заржавевшую рукоятку, прежде чем створка отворилась с неприятным скрипом.

Пряный осенний воздух ворвался в комнату, охладив мои щеки, в то время как ветер хлестал по деревьям на небольшом участке леса, окаймляющего нашу извилистую подъездную дорожку. Они размахивали своими огненными ветвями то в одну, то в другую сторону с низким и странным шелестом.

Я высунулась в окно, выходящее на старую железную пожарную лестницу, которая зигзагом тянулась по задней части дома, и глубоко вдохнула воздух, гораздо более свежий и чистый, чем в нашем последнем доме. Судя по затхлому запаху растений, ударившему мне в ноздри, намечался дождь, но из-за Чарли я надеялась, что это будет не гроза. Она согласилась уснуть в собственной комнате и, хотя постоянно поглядывала на шкаф, ни разу не упомянула о своем монстре.

Я обернулась и осмотрела комнату, заполненную танцующими пылинками и прочим мусором, решая, с чего бы начать.

Жаль, что рядом не было сильного, неуклюжего и одержимого призраками парня, который мог бы здорово мне помочь.

Невольно ухмыльнувшись, я направилась в угол, где хранились самые многообещающие артефакты: стопка старых чемоданов.

³ Герой американского анимационного ситкома 1960-х, имеющий множество сиквелов.

Я еле-еле стащила один из них на пол, разжала защелки и откинула крышку. Очевидно, кто-то уже меня опередил. В сундуке не оказалось ничего, кроме детской соломенной шляпы, обернутой желтой лентой, каких-то бумаг и парочки фотографий.

Вот тебе и охота за сокровищами.

Я мельком взглянула на документы и уже приготовилась закрыть крышку, когда фотография, лежавшая на дне, привлекла мое внимание.

Потянувшись рукой за фото, я вытащила пожелтевшее изображение богатой семьи викторианской эпохи. Позируя у неприметного фона, они, казалось, смотрели на меня сквозь потрескавшееся окно времени и пространства.

Точнее, только трое из четырех фигур.

Центральное место на снимке занимала симпатичная женщина в элегантном кружевном платье с объемными, высоко зачесанными волосами. Перед ней стояла одетая во все белое миловидная девочка лет одиннадцати или двенадцати. Ее волосы были заплетены в косы. Слева от женщины стоял сердитого вида мужчина с темными волосами и такими же закрученными усами, а справа от нее стояла еще одна мужская фигура. Судя по единственной видимой руке, это был юноша. Это было невозможно определить наверняка, потому что черное пятно, которое будто являлось частью фотографии, закрывало всю его голову.

Возможно, снимок повредили жара и холод. А может, просто время.

Я порылась в бумагах и, помимо выцветшего билета на океанский лайнер из Лондона, нашла еще одну маленькую фотографию в полный рост – почти половина оказалась темной.

Тот же молодой человек, как я догадалась, позировал для портрета. Он был одет в длинный черный фрак, распахнутый поверх жилета, и в одной руке держал скрипку, а другой сжимал смычок. Однако верхняя часть фото растворилась в той же черноте, которая испортила предыдущий снимок. И вновь пятно полностью скрыло лицо и голову, за исключением самого края его гладких и длинных черных волос.

Я догадывалась, что он был сыном изображенной на снимке супружеской пары, а маленькая девочка – его младшей сестрой. Могла ли эта семья быть первоначальными владельцами дома?

Я резко подняла взгляд, когда ворвавшийся в дом ветер разметал бумаги по чердаку, а вдалеке послышался раскат грома.

«Прекрасно». Отбросив снимки, я быстрее подбежала к окну и закрыла его, глядя на сгущающиеся грозовые тучи над головой.

Если электричество отключится и Чарли проснется, она просто сойдет с ума.

Я бросилась к своему телефону, но остановилась, когда ногой зацепила одну из бумаг, которые внезапный ветер смахнул с ближайшего стола.

Ноты?

Наклонившись, я подняла пожелтевший лист с пола, а затем повернулась, найдя еще несколько. Все они были исписаны вручную, содержа в себе огромное количество музыки. Ни на одном листе не оказалось ни подписи, ни имени автора. Но моя романтическая натура хотела верить, что композитором был тот давно ушедший загадочный скрипач. На ощупь и на вид бумаги выглядели старыми, однако сами ноты блестили так, будто их написали недавно. Я провела пальцем по четвертой ноте, немного размазав чернила, что доказывало – эта пьеса, несомненно, свежая.

На секунду позабыв про свой телефон, я принялась собирать остальные листы. Я убеждала себя, что делаю это, потому что музыка написана от руки и, следовательно, оригинальна, возможно, даже единственная в своем роде. Но настоящая причина заключалась не в этом.

Моя мама. Вот кто был истинной причиной.

Второй раз за сегодня меня накрыла волна сокрушительной печали. И вот я снова пронеслась сквозь годы, пока не оказалась сидящей на скамейке для пианино рядом с мамой, припопывая в такт метроному своими маленькими ножками, пока мама пела... и играла.

Та скамья. Мы с мамой делили ее в те годы, когда мои ноги уже доставали до пола. И это были годы, когда я пела.

В то утро мне причинили боль воспоминания о маминой музыке, которую сейчас я уже помнила лучше ее лица. А сейчас? В эту секунду мне причиняло боль, что Чарли никогда не сможет разделить с мамой такие моменты.

И эта музыка на нотных листах, и старинное пианино буквально кричали мне эту горькую правду, которую невозможно было игнорировать.

В то же время коллекция аккуратно расставленных нот манила меня своим невидимым языком, который мама научила меня расшифровывать и переводить в сладкую смесь звуков и души.

Я перестала петь, когда она умерла.

И забыла об этих уроках.

Иногда я все же пела. Обычно, когда оставалась одна дома или пока укладывала Чарли спать. Но я никогда не говорила ей, что эти песни принадлежат нашей маме. Просто пела их, чтобы подарить Чарли хотя бы частички мамы, даже если сестренка и не подозревала, что именно приобретает.

Что касается нас с папой, мы делали все возможное, чтобы мама не присутствовала в повседневной жизни Чарли. В противном случае последовало бы множество вопросов, ответы на которые непременно причинили бы боль.

Но в один прекрасный день Чарли все равно узнает правду. И нам с папой очень хотелось бы убежать и спрятаться от этого дня.

Я глубоко дышала, изучая записи, и старалась не моргать, чтобы не обронить ни одной горькой слезы.

– У тебя тоже были причины для грусти? – спросила я у нот, которые складывались в трагичную мелодию романса.

Перелистывая страницы, я напевала куплеты баллады «Призрак», но очень тихо. На случай, если папа окажется где-то рядом.

Моя любовь к музыке пережила смерть мамы, но отец не смог смириться с утратой, поэтому я старалась оградить его от музыки и пианино.

Он никогда ничего не говорил, но я знала, что некоторые типы музыки, как и мое пение, его ранят. И все же он и пальцем не пошевелил, чтобы избавиться от этого старого, поломанного и ненастроенного пианино, мирно спящего под пылезащитным чехлом в нашей новой древней гостиной.

Возможно, это был знак, что он начал исцеляться, но я боялась, что все обстояло совершенно наоборот.

– Стеф? – Тут голос отца, прозвучавший с подножия лестницы, заставил меня замолчать. – Можешь спуститься и помочь мне?

– Уже иду, – ответила я, схватив мобильный телефон.

Не в силах удержаться, я свернула ноты в трубочку и взяла их с собой.

Папа нуждался в тишине по некоторым причинам, но эти же самые причины заставили меня понять, что... я нуждаюсь в пении.

Глава шестая. Зедок

На этот раз, вопреки всему, Стефани наконец увидела меня во сне.

Мне даже удалось воплотить свой план предстать перед ней таким, каким я был когда-то давно...

Несмотря на то что проклятие безвозвратно уничтожило меня, прошлого, я никогда не забывал лицо, которое когда-то мог разглядеть в любом зеркале.

Это лицо невозможно было забыть и уж тем более нелегко игнорировать.

Сон Стефани в точности повторял предыдущий, в который я уже пытался проникнуть: школа, проявляющаяся из темноты подсознания. Стефани шла сквозь рассеивающуюся пустоту, сосредоточив все внимание на чем-то впереди нее. Вернее, на ком-то. Однако, бегло осмотрев толпу, я не обнаружил никаких следов заветного светловолосого героя из ее предыдущих фантазий.

Когда Стефани приблизилась, я воспротивился искушению завладеть ее сном и не стал нарушать его привычный сценарий. Вместо этого я занял свое место среди других призрачных игроков, будучи, по иронии судьбы, наименее призрачным среди них.

Стефани уже проходила мимо, когда выхватила меня взглядом, пока я опирался на стену с металлическими отсеками. Она замедлилась, сделала шаг назад, а затем резко остановилась прямо передо мной.

Мы стояли всего в нескольких футах друг от друга, наблюдая друг за другом. В это время коридор опустел гораздо быстрее, чем это случилось бы в реальности.

Наконец, все ее внимание сосредоточилось на мне.

Я ждал, пока она заговорит первой, потому что так мне удастся прочнее закрепиться в ее сне. И в ее сознании.

Однако ее первая фраза оставляла желать лучшего.

– Ум-м, – сказала она. И на этом все.

Ах да, Эрик. Он всегда так действовал на людей. Особенно на дебютанток – молодых богатых леди моего времени. Девушек, которые, изображая из себя наивных дурочек, боролись между собой за более удачную партию для замужества. И любая из них запросто отравила бы пунш соперницы ради танца с Эриком.

– Откуда ты? – спросила Стефани, после чего окинула взглядом пустой холл, как будто только сейчас поняла, что мы остались одни. Она указала на мою рапиру: – Ты из драматического кружка или что-то в этом роде?

Ее непринужденная манера поведения говорила о том, что Стефани еще не догадалась, что находится во сне. Я надеялся, мой старомодный костюм поможет ей осознать это.

– Прошу простить меня за вторжение, – сказал я, слегка кивнув. – Мы с вами официально еще не знакомы, но вы должны знать, что наши пути уже пересекались. Поэтому я здесь.

Она нахмурилась, крепко сжав ремешок сумки, висевшей на плече.

– Мне так не кажется. Насколько помню, я единственная новенькая в школе. К тому же я бы уж точно запомнила такого... британца.

Невольная улыбка коснулась моих губ, а точнее, идеальных губ Эрика. Уверен, что никогда не узнаю, но догадываюсь, что изначально Стефани хотела сказать совсем не о моей национальности.

Я и забыл, сколько силы заключено в красоте, и очень скучал по этой силе. Тем более что она, похоже, очаровала Стефани гораздо больше, чем я предполагал.

Моя улыбка дрогнула, потому что какой-то части меня хотелось, чтобы Стефани оказалась не такой, как девушки, которых я знал раньше, чтобы она удивила меня.

Хотя, наверное, даже лучше, что она этого не сделала.

– Я не обучаюсь в этой школе, мисс Арманд, – объяснил я. – На самом деле, образование я получил более ста лет назад.

Она резко шагнула назад.

– Откуда ты знаешь мое имя? Что тебе нужно?

Я поспешил ответить:

– Я законный наследник и владелец особняка, который приобрел ваш отец.

Она прищурилась, а потом снова осмотрела пустой холл.

– На самом деле, – признался я, – я уже давно пытался привлечь ваше внимание. И теперь, когда мне это удалось, крайне важно, чтобы вы выслушали меня и запомнили каждое слово из того, что я собираюсь рассказать.

– Я, наверное, сплю, – внезапно пробормотала она, разговаривая сама с собой, а затем снова посмотрела на меня. – Ты ненастоящий.

– Да, возможно, это и сон, – поторопился сказать я, – однако, боюсь, не могу согласиться с вашим последним выводом.

Теперь, когда Стефани осознала себя во сне, вероятность того, что она проснется и разорвет нашу связь, возросла. Вопреки моим словам, она все еще считала меня плодом своего воображения. Хотя, возможно, правильные слова смогут начать менять ее точку зрения.

– Все, что говорила ваша младшая сестра о призраке, обитающем в поместье, – чистая правда, – сказал я.

– Призрак? – Стефани сделала еще один шаг назад. – О чем ты говоришь?

– В этом доме царит непостижимая тьма, – сказал я, сокращая дистанцию между нами. – Результат проклятия. Инфекция, заразившая стены особняка и его территорию. Ваша семья в серьезной опасности, а я не хочу, чтобы кто-то из вас пострадал или случилось что похуже. Поэтому вы должны уехать. Немедленно.

– Уехать, – повторила она бесстрастно, намекая мне, что я сам не понимал, какой бред несу.

– Монстр, о котором говорит ваша сестра, на самом деле существует.

Как и все, о чем я рассказывал ранее.

Стефани вздохнула:

– Зедо?..

Я прижал палец к ее губам, чтобы остановить, и не сводил с нее взгляда, пока не убедился, что она будет молчать. И только после этого я убрал палец, на мгновение прижав его к своим губам.

Ее, похоже, поразила и шокировала моя наглость, потому что она только моргнула. Я решил, что пора сбавить обороты, и заговорил, тщательно подбирая слова:

– Будь осторожна с этим именем. Он услышит, когда ты или кто-либо еще произнесет его имя.

– Ла-а-адно, – она по-прежнему не верила мне. – Ты еще не сказал, как тебя зовут.

– Я Эрик, – солгал я, потому что уже больше ста лет им не являюсь.

– Эрик... – Ее голос заставил меня вздрогнуть. Был еще один человек, который всегда так меня называл, но услышать, как кто-то произносит его вслух, все равно что напомнить мне обо всем, что я потерял.

– Мне уже пора, – произнес я, так как уже достигнул главной цели. – Однако помни о том, что я тебе сказал. Уезжайте из «Молдавии». Или он заставит вас.

Я покинул сон, открыв глаза, и направил светящийся взгляд на камин, перед которым сидел до этого.

И вот я снова здесь, на своей стороне дома. Снова заперт в оболочке того, о ком предупреждал только что Стефани.

Глава седьмая. Стефани

Я проснулась в 4:15 утра, сразу, как оборвался сон. Мне больше не хотелось спать, да и не вышло бы. Это лицо, и этот голос. Он до сих пор отдавался эхом в моей голове.

В надежде прояснить голову я накинула халат поверх ночной пижамы и спустилась вниз, чтобы приготовить себе чашку кофе. Но, сделав несколько глотков, я продолжала задавать себе все те же нелепые вопросы. Почему с тех пор, как вошла в этот дом, я чувствовала себя здесь так... странно? И почему этот сон казался более реальным, чем то, что происходит сейчас?

Кончиками пальцев я коснулась своих губ, на которых остался невидимый след его прикосновения. Хотя на самом деле меня никто не трогал.

Подсознание – забавная штука. Многие ученые утверждают, что космос – это последний рубеж в познании мира, но я бы сказала, что это человеческий мозг. Взять, например, мой. Между сегодня и вчера он будто провалился в черную дыру.

К счастью, после двух чашек кофе и получаса тишины мне удалось во всем разобраться. Ну, почти во всем.

Высокий, смуглый и горячий незнакомец, облокотившийся на шкафчики? Всего лишь красивая мечта, созданная моим подсознанием из воспоминаний о вчерашнем разговоре с Лукасом и из странных безликих фотографий, которые я нашла на чердаке. Почему я ни капли не сомневалась в этом? Потому что сэр Сtimi Макдрили назвал наш дом «Молдавией», и Лукас был первым, кто произнес это название в разговоре со мной.

Бум. Тайна раскрыта.

Сон также осветил еще один уголок моего подсознания, который я не могла не изучить сейчас.

Тот парень, Эрик. Я бы даже не обратила на него внимания, если бы он не был таким... Ну, красавчиком.

Даже сейчас, как во сне, я отчетливо помнила безупречные черты его лица.

Ухватившись за чашку, я хмуро уставилась на нее, наполненную давно остывшей светло-коричневой жидкостью.

Что-то влекло меня к Эрику из сна... Могло ли его появление означать, что я официально запала на образ Лукаса? Просто не осознавала этого?

Я была не в силах отрицать его привлекательность. Но вдруг подсознание пыталось так сказать мне, что я не позволяю себе признать степень своей симпатии? Или вся эта встреча с Эриком лишь продемонстрировала мое противоречивое отношение к Лукасу?

Устав от теорий Зигмунда Фрейда, я отодвинула чашку и поднялась с места.

Уже скоро шесть утра, и я хотела приготовить завтрак для них с Чарли, прежде чем нас поглотит череда будничных дел. Это означало, что у меня есть еще час, чтобы разгадать хотя бы одну загадку.

Предрассветные сумерки все еще окутывали поместье, пока я оделась и вышла через заднюю дверь.

С фонариком в руке я спустилась со сгнивших ступенек крыльца террасы в молочный туман, окутавший территорию. Шагая по короткой тропинке, я видела, как из зарослей ежевичных кустов выглядывал металлический каркас оранжереи, сооруженной в виде беседки.

Уцелевшие окна этого стеклянного дома сверкали в свете звезд, а другие, лишенные стекол, зияли чернотой и делали оранжерею похожей на жука со множеством открытых ртов и еще большим количеством невидящих, мутных от катаракты глаз.

В отличие от дома, я уже полностью осмотрела оранжерею, которая заросла травой внутри так же сильно, как и снаружи.

Конечно, я заметила некоторые следы былой красоты и очарования этого места. Когда-то это место было оазисом растений и покоя.

Устраивала ли там хозяйка дома чаепития? Какие цветы она выращивала?

Наверняка это были розы. В викторианскую эпоху ведь любили розы?

Отец, скорее всего, решит снести этот стеклянный дом, но мне бы хотелось, чтобы его, наоборот, восстановили. Однако, даже если бы эта оранжерея цвела, как и прежде, это не повысило бы стоимость дома достаточно, чтобы покрыть затраты на его восстановление. Или чтобы не обращать внимания на тот факт, что в тридцати ярдах отсюда покоились мертвецы.

Мой взгляд скользнул по темной линии леса.

Мне хотелось верить, что к исследованию этого кладбища меня подтолкнуло обыкновенное любопытство. Однако глупо было отрицать, что мой внезапный интерес возник после сегодняшнего сновидения.

Нельзя сказать, что здесь было страшно, но определенно странно.

Однако, если отбросить в сторону все странности, не останется ничего, кроме голых фактов. Таких, как могилы. На них были имена и даты, и это были факты.

Собравшись с духом, я поплелась к самому густому участку высокой травы, шурша по листьям и веткам своими резиновыми сапогами. До сих пор тяжелый фонарь, который я взяла с собой, не особо помогал, потому что густой туман рассеивал его белый луч света.

Подойдя поближе, я свернула в сторону странно расположенных деревьев. Они стояли поодаль от леса. Вокруг их оснований росли кусты терновника, а в сорняках путались поваленные сучья и ветки.

И вот. Прямо впереди я заметила могилы. Всего три.

Я затаила дыхание, когда подошла к двум стоящим рядом могильным камням, один из которых наполовину утонул в высоких сорняках.

«Уильям Теофилус Дрейпер» – гласила первая надпись прямо под эпитафией «Любимый отец и сын» и над указанными датами: 18 февраля 1859 г. – 21 декабря 1903 г.

«Любимая жена и мать» – предсказуемо гласила эпитафия на втором надгробии, Лилиан Анжелики Дрейпер.

Я нахмурилась, глядя на потертые даты на ее надгробии. Они ведь не говорят о том, о чем я подумала?

Подойдя ближе, я присела и смахнула налипшую грязь с камня, кончиком пальца проведя по заросшим мхом цифрам.

Родилась 25 марта 1865 года. Умерла 21 декабря 1903 года.

Почти против своей воли я взглянул направо. На третью могилу.

Она принадлежала «Драгоценной дочери» Мириам Элейн Дрейпер. И снова указанные даты меня озадачили. Вернее, одна из них.

Эта девушка тоже умерла 21 декабря 1903 года.

Учитывая, что она родилась 29 августа 1891 года, ей было всего двенадцать. Примерно столько же, сколько и девочке на фотографии с чердака. А ее родители... Их возраст тоже совпадает с изображенными на фото людьми.

Без дальнейших исследований я не могла быть уверенной, но могла предположить, что причина смерти у них была одна.

В эту секунду на меня обрушилось осознание этой ужасной трагедии.

Может ли репутация дома быть обусловлена тем, что семья каким-то образом погибла в доме или на его территории? Возможно, произошла утечка газа или несчастный случай с каретой.

Чтобы погибнуть в один день, они должны были находиться вместе. Все, кроме... Тот юноша со снимка. С темным пятном на месте лица.

Трепет от беззвучного движения около одного из деревьев заставил меня вздрогнуть и быстро встать.

Я шагнула к источнику движения и увидела еще одного мотылька.

Существо таких же огромных размеров, как и то, что я увидела вчера, карабкалось по стволу дерева.

С трудом перебираясь по неровному рельефу земли, усыпанной ветками и листьями, я направилась к клену. Вглядываясь между ветвями, я искала других обитателей леса.

Когда я посмотрела себе под ноги, то увидела второго мотылька.

Немного меньше того, за которым охотилась Чарли, он сидел на краю другого камня.

Еще одно надгробие.

Я снова присела на корточки.

Мотылек отлетел в сторону, пока я освобождала камень от грязи, травы и опавших листьев, скрывавших камень.

– Нет, – прошептала я, глядя на высеченное здесь столетие назад имя. – Этого не может быть.

И не могло.

Потому что это имя на надгробии утверждало невозможное.

Что другие вещи, которые не могли существовать, на самом деле существуют.

Глава восьмая. Зедок

Каминные часы, принадлежавшие моему отцу, привычно тикали, медленно сводя меня с ума.

Расхаживая по гостиной на своей стороне «Молдавии», застывшей во времени версии, полной изыска и обставленной с безупречным вкусом моей матери и безграничным богатством отца, я старался игнорировать тиканье часов, нарушавших полночную тишину большого дома.

Их всегда печальная, монотонная песня служила единственным аккомпанементом к тому беззвучному ноктюрну, в который превратилось мое существование.

Я мог сочинять. Концерты, вальсы и реквиемы, даже оперу, если бы захотел. Написание музыкального произведения всегда так захватывало мой дух и переворачивало все внутри, что я забывал о ничтожности своего существования. Вот почему я так безумно жаждал тех часов до прибытия Армандов, когда на другом конце дома я мог свободно сочинять.

Однако, где бы я ни писал свою музыку, она оставалась такой же неживой, как и я сам. Потому что у меня не было сердца.

Моя последняя попытка, простая баллада, лежала брошенная и незаконченная на чердаке Армандов. Я так отвлекся на воспоминания о нашей встрече со Стефани тем утром, когда она вошла в гостиную за Чарли и остановилась у моего пианино, слушая в своей голове только ей известную мелодию, что прервался на середине ноты и оставил листы на старом столе моего отца, чтобы Чарли до них не добралась.

Я мог бы снова вернуться к работе и наслаждаться тишиной до самого рассвета, пока новые обитатели «Молдавии» не проснутся и не начнут шуметь громче, чем странствующий карнавал.

Хотя как я мог надеяться сосредоточиться на музыке после вчерашней встречи со Стефани во сне?

Я вообще с тех пор не мог ни на чем сосредоточиться.

И я необъяснимо хотел еще раз с ней поговорить, что очень тревожило.

В целом только по этой причине грядущей ночью я решил воздержаться от проникновения в ее сны. Так или иначе, я добился своего, посеяв семя, которое уже скоро подарит мне большую власть над ее реальной жизнью. Так к чему нам разговаривать снова?

Мой неподдельный интерес к разговору со Стефани, безусловно, был вызван лишь тем, что я не любил сидеть без дела. Особенно когда время упорно работало против меня. Тогда я уверял себя, что бездействие – это тоже действие. Ведь отсутствие Эрика в ее снах обязательно побудит ее искать ответы самостоятельно. Но свернет ли она горы на пути к разгадке, используя весь свой ум и целеустремленность?

Возненавидит ли она Эрика после того, как узнает, что он натворил?

Конечно, как же иначе.

Внезапно я замедлил шаг и остановился. Нахмурившись под маской, я взглянул на пианино, как всегда желая играть. Должен сказать, что моя неспособность воспроизвести хотя бы две взаимодополняющие ноты была одной из самых жестоких частей проклятия.

Меня не только преследовали осколки моей собственной расколотой души вместе со всеми воспоминаниями об этом доме, но они еще и насмехались над этим нетронутым инструментом, который, хотя и сиял лакированной чернотой, издавал для меня не больше музыки, чем его разрушенный близнец. Чудесным образом мое пианино, то, которое я считал истинным, все еще занимало то же место в доме на стороне Армандов.

Не столь важно, какую роль пианино играло в жизни этой семьи, оно, скорее всего, не простоит там долго. Это было еще одним поводом для волнения, поскольку последний человек, намеревавшийся избавиться от моего пианино, покинул этот дом... довольно потрепанным.

Подобная участь ожидала Армандов. И я прекрасно знал, что это лишь вопрос времени. Если бы только Стефани не была такой...

– Упрямая, – пробормотал я из-под маски, меряя шагами комнату. – Противоречивая.

Что еще я мог о ней сказать?

– Она может уколоть сильнее колючки, – последовал мой сухой ответ, и я усмехнулся. – Отважная, – добавил я. – Но упрямая и непримиримая. Да, ум и красота в избытке, но никакого намека на утонченность. Что сказали бы о ней мои родители? Представить страшно. А вот Мириам была бы от нее в восторге. Даже не сомневаюсь.

Зачем я разговаривал сам с собой? Ладно, иногда я беседовал со своими личинами – слабыми осколками меня самого, – которые сновали вокруг меня, по всему дому и вокруг него. Призраки моей собственной души. Но я никогда не выражал вслух свои мысли. Да и зачем, если мои личины делали это за меня.

Неужели я просто для своей выгоды озвучивал свое мнение о Стефани, как только оно сформировалось?

– Не совсем так, – слева от меня раздался язвительный голос, который я узнал с первых же секунд. Хотя его вообще трудно было назвать голосом.

Мое тело замерло, а взглядом я впился в пианино, не осмелившись поднять глаза на обладателя жуткого голоса.

Я привык, что в любой момент ко мне могла присоединиться одна из моих личин, но было довольно необычно, что он появился так внезапно и без предупреждения.

Что же заставило его покинуть свой подвал?

Неужели недавний визит Мистера Арманда все-таки его взволновал, как я и опасался?

– Ты и правда не догадываешься, что меня привело? – спросил он, отвечая на мои мысли, которые на самом деле были в той же степени и его.

Мои личины. Олицетворенные осколки моей души. Одну или даже двадцать из них всегда можно было обнаружить слоняющимися по величественному особняку или его заснеженной территории. Но, в отличие от меня, они оставались привязанными к этой версии дома, застрявшей во времени. К счастью для Армандов, мои личины не могли перемещаться между двумя версиями дома, как я, и не имели телесной формы под своими маскарадными одеяниями.

Но эта личина, самопровозглашенный Гнев, была самой захватывающей из всех. В малиновом мундире, развевающимся плаще и в сверкающей серебряной маске головы смерти⁴.

А осколок моей души – возможно, самый отвратительный из всех, – который он олицетворял, слишком хорошо вписывался в его образ.

– Может, рискнешь угадать? – прозвучал искаженный баритон с примесью злорадства.

Я не стал отвечать, потому что частично понимал, что заставило его выйти из подвала.

Раньше у каждой из моих личин была своя очередь. Целыми десятилетиями я носил каждую из них, обретая, таким образом, их сущность.

Контроль – вот чего хотел Гнев. Контроль, который, к счастью для Армандов, принадлежал сейчас Апатии, моей нынешней личине.

Но с другой стороны, это означало, что в какой-то степени я должен хотеть подарить Гневу контроль, потому что наши с личинами мысли и действия неотделимы.

⁴ Голова смерти (или Мертвая голова) – характерный рисунок на груди бабочки или мотылька, напоминающий человеческий череп.

Появление Гнева предвещало катастрофу, которой я надеялся избежать. Ведь получается, что у него есть мотивы, чтобы завладеть мной, а следовательно, и жизнями обитателей «Молдавии».

– Оставь меня, – настойчиво прорычал я. – Забирай все, что хочешь, и полезай обратно в свою нору. Как бы ты ни старался, тебе не заманить меня в ловушку.

– Ты уже в ловушке, глупец.

– Я же сказал тебе уйти, – угрожающе предупредил я, ощущая опасную дрожь по всему телу.

– Мои глаза, – ужасный голос Гнева еще больше обеспокоил меня. – Взглянув в них, ты увидишь правду. Если захочешь ее увидеть.

– Я хочу, чтобы ты, омерзительное чудовище, вернулся в свой ад и оставил меня в моем. – Я развернулся к нему лицом и увидел, что он сидит в бледно-голубом кресле у эркера гостиной. Его спрятанную под капюшоном голову венчали оленьи рога, а с серебряного черепа на меня смотрели две черные ямы пустоты.

– Ты этого не хочешь, – мягко, но высокомерно прошептал Гнев, его голос напоминал треск пламени.

Я сжал челюсти и уставился на него, сохраняя упрямое молчание. Одно только его присутствие говорило о том, что он прав.

– Хорошо. Тогда что дальше? – бросив ему вызов, я ощущал, как в ожидании его ответа мой страх эхом разрастался в груди, в том пустом пространстве, которое когда-то вмещало и неповрежденную душу, и ее бьющийся сосуд. – Продолжай, чего же мы тогда хотим?

Гнев не обронил ни слова. Вместо этого, его кошмарный облик сравнялся с моим ростом, а затем обтягивающей перчаткой он снял свою маску, обнажая лицо небытия. Медленным и размеренным шагом он приблизился ко мне, но я, невзирая на свою настороженность, даже не пошевелился.

Он остановился в нескольких футах от меня и протянул мне в облаченной в малиновую перчатку руке, унизанной кольцами, серебряную маску презрения, злобы и разрушения.

Неужели он был настолько наивным, чтобы подумать, будто я приму эту маску? Особенно зная, кто он такой.

Одолевающий меня ужас до последнего боролся с непониманием, пока мой взгляд не упал на блестящий металл предложенной маски.

Словно мираж, на зеркальной поверхности черепа проявилось другое лицо. Постепенно изображение стало четким. Это лицо... Оно принадлежало девушке.

Стефани.

Тик-так, тик-так. Часы на каминной полке отсчитывали секунды, в течение которых мои пальцы сами по себе тянулись к маске. К ней.

Когда я притронулся к ней, до моего сознания донесся негромкий треск.

Дом. Он начал гудеть вокруг нас, заставляя маленькие предметы дребезжать по поверхности, ножки мебели стучать по полу, а струны спящего пианино единодушно издавать зловеющий вой предупреждения.

Ужас того, что я почти сделал, заставил меня вырвать маску из рук Гнева и бросить ее в очаг, где она бесследно растворилась, превратившись в пар.

Тут же все вокруг успокоилось, и голос пианино затих.

Нависающая надо мной фигура Гнева исчезла, его малиновый плащ и офицерский мундир превратились в ничто, а низкий тревожный смех, каждый раз завершающий его визит, эхом разносился по гостиной, как затихающие раскаты грома.

Глава девятая. Стефани

Я уселась на стул напротив Лукаса, вызвав громкий и неприятный скрип ножек о линолеум и тем самым заставив всех четверых за обеденным столом удивленно поднять на меня глаза.

Сидящая рядом со мной миниатюрная блондинка с косичками хмуро уставилась на меня.

Хипстерские Очки передо мной выглядел самым шокированным.

– Нам нужно поговорить, – сказала я, нагнувшись к нему через стол.

– Ох-х.

Он бросил взгляд на своих друзей, которыми были Девочка с косичками, Темнокожий парень с короткими дредами, пирсингом в носу и в ярко-желтой футболке с M&M's, и бледный парень-гот с черными шелковистыми волосами до плеч и огромным серебряным крестом на груди.

– Мне казалось, что мы уже... поговорили.

Хипстерские Очки бросил на Косички панический взгляд.

Тут точно что-то есть. По крайней мере, он не хотел, чтобы она знала подробности нашего последнего разговора.

– Нам нужно поговорить еще раз, – уточнила я и уже приготовилась рассказать о причине, но вмешались Косички.

– Ага, привет. – Развернувшись ко мне, она протянула руку. – Меня зовут Шарлотта.

– Стефани. – Я быстро пожала ей руку и поспешила переключить внимание обратно на Хипстерские Очки. Вернее, на Лукаса.

– О, эм, извини меня, – его голос звучал ошеломленно. – Мне следовало вас представить. Это наш Патрик, – сказал он, указав на парня с пирсингом в носу. Патрик приподнял подбородок в знак приветствия, на что я ответила так же. – А это Уэс, его также называют Священником.

– Приятно познакомиться, Стефани, – игриво подмигнув, произнес Уэс.

– Э-эм... и мне, – пробормотала я и вернула внимание к Лукасу, обратившись к нему тише: – Послушай, мне нужно знать, что тебе известно о нашем доме.

– Знаешь, – слева от меня раздался голос Шарлотты, – если у тебя какие-то проблемы, лучше зайди на наш вебсайт.

Я нахмурилась, в то время как Шарлотта, глядя на меня, жадно откусила сочное яблоко.

Изогнув бровь, я посмотрела на Лукаса, чей удивленный взгляд метался между мной и Шарлоттой.

– Ваш вебсайт?

– Да, наш вебсайт, – подтвердила Шарлотта. – Который во Всемирной паутине. Там ты найдешь анкету, которую нужно заполнить, если у тебя есть проблема. Так мы сможем распределить время и сохранить порядок в работе.

– Этот сайт помогает нам также распределять дела, – сказал Уэс, и Патрик хихикнул.

Ладно. Ну, я не особо прониклась симпатией к этой компании. Мне не хотелось быть навязчивой, но я хотела поговорить с Лукасом, и разговор с ним, очевидно, шел в комплекте с остальной группой.

В то утро Лукаса не было в библиотеке, а после нашего последнего разговора я сомневалась, что вновь обнаружу его рядом с моим шкафчиком после уроков. Но мне нужно было срочно с кем-то обо всем поговорить. Почему имя Эрика появилось на надгробном камне после его появления в моем сне? На простое совпадение это не походило. Мало того, что все произошедшее противоречило возможности совпадения и официально перешло в разряд откровенно странного, так еще и было связано с Чарли.

– Дела? – спросила я Лукаса. – Что ты имеешь в виду?

– Мы исследуем паранормальные явления, – сухо произнес Уэс, словно об этом знают все.

– Ты имеешь в виду, охотники за привидениями? – Как только я это сказала, лицо Лукаса стало таким же пунцовым, как и в пятницу. Либо его смутил мой вопрос, либо он опасался реакции своих приятелей, если они узнают, как мы до этого встретились.

– Сейчас ты обедаешь со всей «УЖАСной» командой, – сказал Патрик.

«Шутишь?» – захотела я съязвить, но решила сдержаться.

– Это сокращение от «Научно-паранормальной организации Кентукки»⁵, – пояснил Уэс, взяв в руки чашку с шоколадным пудингом и указав им на меня, будто держал бокал с бренди. – Но знай, что я единственный проголосовал против этого названия.

– О, – сказала я, потому что «вау» показалось бы слишком язвительным, а они были мне нужны.

– Вот именно, – ответил Уэс, – мне больше импонировало название «Южные повелители беспокойных привидений и всего потустороннего», или «ЛОВКИЕ»⁶, если тебе угодно.

Я покорно кивнула. А что мне еще оставалось?

По крайней мере, сейчас слова Лукаса в библиотеке о сборе необходимой информации приобрели смысл. И то, что он исследовал паранормальные явления, подтвердило его заинтересованность не во мне, как я подумала сначала, а в «Молдавии».

Эта информация хоть и развеяла мои сомнения относительно адекватности Лукаса – и я вроде как влюблена в него, – сейчас он нервничал сильнее, чем раньше.

– Ну, да, – откашлялся он. – Нужно было сказать все еще в пятницу. Как я уже говорил, мне просто не хотелось... пугать тебя.

– Подожди-ка, – вмешалась Шарлотта. – Лукас, что происходит?

– Я недавно переехала сюда из Сент-Луиса, – объяснила я.

– Ага, – ответила она, хотя звучало это как «тоже мне новость».

– Да начнется схватка на когтях, – произнес Уэс низким монотонным голосом. – Скрежет зубов и отчаянные попытки побороть друг друга в отчаянной погоне за моим сердцем. – Он поднял руку, унизанную серебряными кольцами. – Дамы, не принимайте близко к сердцу, но я не настолько целомудрен, как вам могло показаться из-за моего прозвища.

– Заткнись, бро, – Патрик опустил руку Уэса. – Никому не нужна твоя жуткая задница.

– Она живет в «Молдавии», – произнес Лукас.

Улыбка почти исчезла с лица Уэса, Патрик посерьезнел, а лед в глазах Шарлотты сменился тревогой.

– Ты живешь в «Молдавии», – повторил Уэс, и его подведенные бледно-серые глаза впились в меня.

Этот момент показался мне подходящим, чтобы обратиться ко всем четверым сразу.

– Да. А теперь кто-нибудь, все равно кто, наконец, расскажет мне, что за история с моим домом?

– Что ты видела? – спросил Патрик, в то время как в глазах Шарлотты нарастало напряжение.

– Бадди Холли вернулся? – с этим вопросом Лукас откинулся на спинку стула, сложив свои изящные запястья на темном жилете в тонкую полоску, который был застегнут поверх классической рубашки белого цвета. Признаться честно, он выглядел шикарно.

– Его имя Зедок, – сказала я.

Передние ножки стула Лукаса с грохотом опустились на пол, и его очки перекошились.

⁵ По-английски Scientific Paranormal Organization of Kentucky, сокращенно SPOoKy (spooky), что в свою очередь переводится как «жуткий», «страшный».

⁶ По-английски Southern Masters of Otherworldly and Troubling Hauntings, сокращенно SMOOTH (smooth), что в переводе означает «ловкий».

Ложка Уэса с громким звяканьем упала на пол.

– Нет, – сказал Патрик. – У нас весь график забит. На неопределенное время. Жаль, что тебе не повезло. Нам жаль, что ты оказалась наедине с призраками.

– Шутник, – упрекнул его Лукас. И тут я поняла, что это очередное прозвище.

– Да ладно вам, – начала Шарлотта. – Она же издевается над нами.

Лукас нахмурился и посмотрел на меня, словно был уверен, что Шарлотта права.

Но мне было до потолка, что обо мне думала эта стайка фриков, особенно после такой реакции на мое появление. И так останется, пока кто-нибудь из них не начнет объяснять, что такого в моем доме.

– Что насчет имени Зед...

От Уэса послышалось предостерегающее шипение. Наморщившись и снова прошипев, он поднял палец.

– Что не так? – пожала я плечами.

– Имена таят в себе страшную силу, – поторопился ответить Уэс. – Произнести имя демона – значит призвать его.

– Демона? – Я уже официально начала сходить с ума, потому что во сне Эрик тоже сказал нечто подобное. Он не назвал Зедока демоном, но запретил произносить его имя.

– Уэс постоянно затирает про демонологию, – устало ответил Лукас. – Он думает, что любое привидение имеет демоническое происхождение.

– А Лукас, – возразил Уэс, – наш бесстрашный предводитель и профессиональный разоблачитель. Благодаря своим суперспособностям он с легкостью прогонит настоящее привидение, словно оно лишь облако вонючего газа.

– Ну, извини, что в отличие от тебя я не хочу ее пугать, – сказал Лукас сквозь зубы.

– А мне кажется, что ей еще как стоит бояться, Лукас.

– Ребят, – снова вмешалась Шарлотта. – Вы что, не врубаетесь? Она врет. И вы, как и я, прекрасно знаете, откуда ей известно его имя.

– Прости? – Если я чего и не выносила, так это людей, которые говорят обо мне, будто меня и вовсе здесь нет. – Моя шестилетняя сестра – вот откуда у меня это имя.

– А она не могла быть в соседней комнате, пока ты смотрела очередной документальный фильм?

– Я вообще такое не люблю, – произнесла я, начиная ненавидеть ее. – Она допекала меня этим Зедоком с тех пор, как мы переехали в этот дом.

– Ну ладно, хватит, – на лице Уэса растянулась неловкая ухмылка. – Вы можете... больше не повторять его имя? Думаю, что день пройдет удачнее, если мы прекратим призывать демонов из ада.

– Да о чем вы все говорите? – От нарастающего волнения и страха в моем теле вновь забурлила кровь.

В этот момент Шарлотта бросила на меня пренебрежительный взгляд.

– Ой, хорош рассказывать, это имя ты наверняка услышала во время выпуска передачи «Наблюдатель за паранормальными явлениями» шестилетней давности, который был посвящен вашему дому. Необязательно быть ученым, чтобы догадаться, что ты смотрела повтор выпуска «Ярость призрака» в эти выходные. А теперь ты зачем-то издеваешься над нами. Или над Лукасом.

Последние слова она адресовала Лукасу, однако я, уставившись на нее, не могла выдавить из себя ни слова, потому что все еще пребывала в состоянии шока от замечания Уэса про демонов из ада.

– Шарлотта, – Лукас наклонился вперед, положив скрещенные руки на стол. – Остынь, о'кей? Давай просто слушаем ее.

– Я не смотрю эти глупые документалки, – резко ответила я. – Этот... – Я заколебалась, прежде чем успела произнести его имя. Только ради спокойствия Уэса. – Моя сестра днем и ночью рассказывала об этом... привидении или ком-то подобном, как только мы въехали в «Молдавию». Я думала, она все придумывала. Но сейчас...

Я резко замолчала, когда ко мне пришла мысль, что они посчитают меня еще более сумасшедшей, если я расскажу им про свой сон с Эриком.

– Но теперь ты так не думаешь, – закончил за меня Лукас.

Отлично. Лукас мне верил. Хотя бы он не считал, что я все выдумала из-за желания ему отомстить.

Даже если я сама не знала, во что верила.

Еще вчера я была уверена, что мертвецы навсегда мертвы, а их духи если и существуют, то не преследуют живых на земле.

А может, мне просто хотелось верить, что души превращаются в ангелов. Моя мама в это верила.

– На самом деле, я не знаю, – выпалила я. – Просто мне казалось, раз вам так много известно об этом доме, то вы сможете рассказать мне что-нибудь полезное.

– Что ж, – сказал Уэс, – должно быть, что-то действительно произошло. Или ты просто водишь нас за нос. Кстати, это занятие мне тоже нравится.

– Хватит подлизываться, Уэс, – огрызнулась Шарлотта.

– Я не против подлизаться по-настоящему, – ответил Уэс.

– Пожалуйста, прости этого тупого придурка, – сказал Патрик, заслонив лицо Уэса своей ладонью. – Сегодня мама забыла прикрепить к его рубашке тактичность. Но не волнуйся, позже мы с ним серьезно поговорим об этом. А пока выкладывай как есть. Ты его видела?

Время словно замерло, когда все четверо дружно замолчали. Даже Шарлотта. Их напряженное ожидание вызвало во мне желание рассказать им что-нибудь особенное, но у меня была только правда.

– Нет, я ничего не видела, – призналась я, не сводя взгляда с Лукаса. – Не... совсем.

– Как могла не видеть что-то «не совсем»? – еще один вопрос от очаровательной Шарлотты.

– А твоя сестра? – поторопился спросить Лукас, словно боялся, что я передумаю рассказывать. – Она его видела?

Его напряженный взгляд подсказал мне, что его сердце сейчас колотится так же сильно, как и мое. Но был ли это страх или волнение... Думаю, я не так хорошо его знала, чтобы делать какие-то выводы.

– Она во многом винит его, – ответила я. – Говорит, что он с ней разговаривает. Мне все казалось, что это ее воображаемый друг, однако...

– Как он выглядит, по ее словам? – прозвучал голос Патрика, который, как и Уэс, начал воспринимать меня всерьез.

Я растерянно пожала плечами:

– Она сказала, что его лицо скрывалось за маской.

Случилось все и сразу.

Патрик вскинул руки:

– Я ухожу.

– Черт подери, – пробормотал Уэс и сразу же меня перекрестил.

Хоть Лукас и старался изо всех сил сохранять непроницаемое выражение лица, но то, как расслабленно он откинулся на спинку стула, сказало мне, что он верит мне.

– Ради всего святого, ребята, – выплонула Шарлотта, так быстро вскочив со стула, что его деревянные ножки закрипели по полу. – Меня тоже вычеркивайте. Это полная брехня. – Она схватила свой поднос с едой. – Мы серьезные исследователи, а не доверчивые идиоты,

готовые рискнуть заработанной репутацией ради какой-то истории, которая оказалась в итоге фальшивкой.

– Они ничего не доказали и не опровергли, – возразил Лукас.

– Растин признался всему миру, что сфальсифицировал всю историю, – отрезала Шарлотта.

– Кто такой этот Растин? – поинтересовалась я. – И что он сфальсифицировал?

– Ясновидящий с сомнительной репутацией, – уклончиво ответил Уэс. – С ним случился приступ во время съемок.

От обуревающего меня волнения я почувствовала комок в горле и нахмурилась.

– Что за видение?

– Как будто ты не знаешь, – усмехнулась Шарлотта.

Тут вмешался Лукас:

– Позднее Бок утверждал, что Растин притворился, потому что боялся того, что может сделать призрак, если люди продолжают рыскать по дому.

– Приступ был... жутким, – ответил Уэс.

– Приступ Растина, – добавил Патрик. – А серия «Ярость призрака» получилась довольно крутой.

– Но согласитесь, это шоу не было таким же захватывающим, как «Приключения призрака», – сказал Уэс.

– Ты имел в виду «Призрачные крики»? – фыркнул Патрик.

Шарлотта указала пальцем на Лукаса, не обращая внимания на остальных:

– Это потому, что на кону стояло шоу Бока!

– Бок скончался вскоре после этого расследования, Шарлотта.

Я просто моргала, наблюдая за двумя горячими дискуссиями, пока до меня не дошла вся серьезность слов Лукаса. Кто-то еще умер в доме?

– Позже. Естественной смертью.

– Сердечный приступ в тридцать восемь лет – это не естественная смерть!

– Она посмотрела документальный фильм, Лукас!

– Она сказала, что нет!

Я смиренно сложила руки на груди, потому что меня никто не замечал. И что, черт подери, я все еще здесь делаю? Почему еще при первом упоминании о документальном фильме я не сбежала от этих псевдо-Винчестеров?⁷

У меня не было ответов на мои вопросы, поэтому я встала, чтобы уйти.

– Подожди, Стефани. Куда это ты? – спросил Лукас.

– Хочу найти в библиотеке ваш дурацкий документальный фильм. Что-то мне подсказывает, что от этого будет больше пользы, чем от вас.

– Нет, – сказал Лукас, и я вздрогнула, когда его теплая рука обхватила мое запястье.

Я сердито посмотрела на него, и он отпустил мою руку, будто обжегся.

– Я имел в виду, не смотри фильм, – ответил он, так же, как и я, ощущая на себе три пары любопытных глаз.

– Позволь мне сначала приехать и все осмотреть.

– Чего-о? – выпалили мы с Шарлоттой в один голос.

– Позволь мне осмотреть дом, – повторил Лукас. – Изнутри, я имею в виду. Я хочу заранее убедиться в нашей правоте и зафиксировать неопровержимые доказательства, прежде чем обращаться к дополнительным источникам.

– Приятель, – удивленно ответил Патрик. – Ты уверен, что это хорошая идея?

⁷ Братья Винчестеры – главные герои сериала «Сверхъестественное».

– Я здесь именно за информацией, – заговорила я. – Ты сказал, что в этом доме какой-то парень умер от сердечного приступа?

– Не в доме, – поправил Уэс. – Через три месяца после съемок.

– Во сне, – добавил Патрик.

– Но был еще пианист, – сказал Уэс.

– Пианист? – спросила я Лукаса.

– Я расскажу все, что ты захочешь знать. – Лукас решительно вытянул руку в сторону Уэса и Патрика, чтобы остановить, и они послушно замолчали. – Обещаю. Я даже одолжу тебе диск с этим документальным фильмом, но прежде позволь мне приехать.

– Эм-м, – промямлила я, застигнутая врасплох этим предложением. Если Лукас напрашивается ко мне домой прямо на глазах у сердитой Шарлотты и та даже не пытается возражать, не значит ли это, что между ними ничего нет? – Ну, мой отец сейчас по уши в работе. Поэтому мы... просто постараемся ему не мешать.

– Ты, наверное, шутишь, – недоверчиво произнесла Шарлотта.

– Я тоже в деле, – заявил Уэс, как будто только и ждал моего согласия.

– Повеселитесь. Жду от вас открытку из четвертого измерения, – отсалютовал нам Патрик.

– Только Лукас, – сказала я. – У отца случится сердечный приступ, если я приведу домой целую группу исследователей паранормальных явлений. – Как будто и присутствие Лукаса в доме не было проблемой. – Можешь прийти сегодня в шесть вечера.

– Лукас, сегодня вечером у нас тренировка, – почти шепотом произнесла Шарлотта.

– Мы можем потренироваться завтра, – ответил Лукас. Явно обидевшись, Шарлотта вернулась и пошла прочь.

– Слушай, – обратилась я к Лукасу, глядя ей вслед, – если тебе нужно практиковаться...

Лукас отрицательно покачал головой:

– Это не срочно. И не обращай внимания на Шарлотту, поначалу она всегда такая вредная.

Я посмотрела на Уэса и Патрика, чтобы убедиться в правдивости слов Лукаса, но они оба избегали моего взгляда.

– Буду у тебя вечером, – произнес он, поднимаясь во весь свой огромный рост, и взял свой поднос. – Ровно в шесть.

С этими словами он поспешил догнать Шарлотту, оставив меня наедине с Патриком и Уэсом, которые смотрели на меня как на ведьму, приговоренную к сожжению.

– Все действительно настолько ужасно? – спросила я. – С домом?

– Поскольку все, похоже, перешло в разряд официального расследования нашей УЖАСНОЙ команды, – начал Патрик, – я понимаю, почему Лукас не хочет предоставлять тебе какую-либо неподтвержденную информацию и глупые слухи. Поэтому извини, но я буду держать рот на замке.

– Но для начала, – вмешался Уэс, чьи глаза цвета штормового неба засветились молчаливым предчувствием. – Да... все настолько ужасно.

Глава десятая. Зедок

Сумка с фотоаппаратом, которую парень нес в руке, окончательно развеяла мои сомнения о том, кто он.

Из окна башни на втором этаже я наблюдал за ним, пока он шел к крыльцу.

Он был такой же высокий, как я, но шире в плечах.

Его прямая осанка подсказывала, что под одеждой у него скрывается довольно мускулистое тело. А легкая походка свидетельствовала о том, что он регулярно занимается каким-то физическим трудом.

На моем лице сверкнула презрительная ухмылка, потому что те, кто награждал себя титулом «исследователя паранормальных явлений», другого от меня не заслуживали.

Обычно, прежде чем вызывать подкрепление в виде экстрасенсов, людям нужно было узреть пару-тройку ярких выступлений. Самые назойливые медиумы, священники, шаманы и исследователи сверхъестественного вторгались на эти земли и раньше, питая тщетные надежды на искоренение болезни, поразившей всю «Молдавию». То есть меня.

И нарушители моего спокойствия всегда брали с собой один и тот же комплект бесполезного оборудования, которое приносило больше вреда, чем пользы. Как для себя, так и для меня.

Единственная вещь, которая отличала этого мальчишку от других, – это возраст.

На вид ему было не больше восемнадцати, ровно на год меньше, чем мне, когда проклятие разрушило мой мир.

Похоже, они были просто одноклассниками, ничего особенного. Прошло еще слишком мало времени, чтобы Стефани успела завести более значимые отношения. По крайней мере, я так думал. Но, как бы там ни было, сейчас он находился здесь и представлял для меня угрозу, о которой я даже не подозревал.

Что он знал о доме? Что он сказал Стефани? Или она ему? Упомянула ли она Эрика?

Вероятно, мне стоило предупредить ее не делать этого.

Парень постучал, и звук пробрал меня до костей.

Если Стефани все-таки рассказала об Эрике, приход этого гостя разве не означал, что он ей поверил?

Если не обращать внимания на то, что он охотится за привидениями, разве факт его осведомленности об Эрике не делает его моим врагом?

Глава одиннадцатая. Стефани

– Хей, входи.

Лукас крепко сжимал в руках ремень сумки для фотоаппарата, стоя на крыльце. Когда я отодвинулась, чтобы впустить его, он одарил меня натянутой и опасливой улыбкой.

Что его так нервировало? Дом? Или... я?

– Спасибо, – произнес он и, странно пригнувшись, вошел в фойе. Как будто его одолевало глупое волнение, а он безуспешно пытался это скрыть.

Когда Лукас прошел мимо и остановился в центре, я изо всех сил старалась не улыбнуться.

– Вот это да, – он медленно обернулся, рассматривая все вокруг. – Здесь просто невероятно.

– А я просто рада, что у нас есть водопровод.

Он восхищался пыльной люстрой с каскадом из кристаллов, которая излучала золотистый свет.

– Нет, здесь прекрасно, – его растерянный хриплый голос звучал чертовски сексуально.

Затем, словно притягиваемый невидимой силой, он с любопытством осмотрел стены, словно их покрывало золото, а не паутина. Я терпеливо ждала, пока он доберется до парадной лестницы. Лукас поставил ногу на самую нижнюю ступеньку и, схватившись рукой за перила, посмотрел в сторону второго этажа.

– Боже, – прошептал он, обхватив пальцами декоративный шар перил, который тут же оторвался.

– Вечер добрый!

Когда из коридора с нахмуренным лицом протопал мой раздраженный отец, мы с Лукасом подпрыгнули в унисон.

– Какого черта ты только что натворил?

– О, – выдал Лукас, чье шокированное лицо превратилось в одну большую букву «О».

– Папа, – вмешалась я в разговор, в то время как Лукас сделал два шага назад. Приблизившись ко мне, он вдруг понял, что все еще держит оторванный шар, и осторожно протянул его папе. Тот бросил на Лукаса яростный взгляд, но вдруг через фасад Невероятного Халка пробилась улыбка.

– Я знал, что он оторвется, – сказал он и забрал шар у Лукаса. – Еще не успел приклеить его.

Положа руку на сердце я закатила глаза на партизанские приемчики отца, а Лукас же заметно расслабился и выдохнул от облегчения.

– Папа, – повторила я. – Это Лукас Чейни. Мы вместе пишем школьный доклад, помнишь?

Я кивнула Лукасу, и паника вновь овладела им, когда он уставился на меня.

«Расслабься, – пыталась я передать взглядом. – Просто подыграй мне».

– Ричард Арманд, – представился отец, одарив Лукаса жестким военным рукопожатием. Я внутренне содрогнулась, надеясь, что отец не переусердствовал с силой, хотя казалось иначе. – Стефани сказала, что вы работаете над школьным проектом по истории. Это правда?

– Д-да, сэр, – промямлил Лукас, хоть я и видела, что ему было нелегко врать.

– А для чего вам фотоаппарат? – На этот раз его голос прозвучал серьезно. – Для проекта вам нужно делать снимки?

– О. Эм-м-м... – Лукас вдруг затеребил ремень сумки, словно уже готовый отрицать, что эта вещь вообще принадлежит ему.

– Папа, расслабься. – Я крепко сжала его гигантскую ладонь в своей. – Мы просто документируем кое-какие вещи Викторианской эпохи. Например, различия между главной лестницей и лестницей для слуг, кладовую дворецкого и кухонный лифт.

– Сынок, ты так и будешь терпеть ее обзывательства? – спросил папа.

– А, да, сэр? – взволнованно ответил Лукас.

– Хороший ответ, – сказал папа. – Но если серьезно, вы же не собираетесь выкладывать эти снимки на фейсбук, ютуб или на какой-нибудь чудаковатый сайт, посвященный охоте за привидениями?

– Н-нет, сэр, – ответил Лукас и остановил себя, видимо, от того, чтобы не произнести какие-нибудь заученные слова про конфиденциальность данных и прочий бред.

– Папа еще не готов хвастаться.

Я пристально посмотрела на Лукаса в надежде, что он осознал, какое у моего отца нелестное мнение о призраках и о тех, кто пытался к ним прикоснуться.

– Нечем еще хвастаться. – Папа повернулся, чтобы уйти обратно. – Ты, Люк, наверное, подумал, что ремонт только начался.

– Лукас, папа, – поправила я.

– Хорошо, Лукас. Как Джордж Лукас. Понятно. Может, мне облегчить себе жизнь и называть тебя Скайуокером?

– Как скажете, сэр, – сказал Лукас. – Мне уже говорили, что Сила всегда со мной.

– Уф. – Я ударила себя по лбу. – Не поощряй его.

– Хей, – отец указал шаром на Лукаса. – Чей выстрел был первым?

– Э-э-э, Хана, сэр.

Папа неожиданно ухмыльнулся.

– Этот парень мне нравится, – усмехнулся отец, продолжая целиться в Лукаса деревянным шаром, будто в интересного представителя фауны, которого раздумывал позволить мне оставить у себя. – Чесс одна гуляет во дворе, так что...

Я махнула ему рукой, что он может идти.

– Через час ужин, Стеф, – бросил он через плечо. – Скайуокер, надеюсь, ты тоже голоден...

После этого папа скрылся из виду, и я вздохнула с облегчением.

– Наверное, мне стоило спросить разрешения насчет камеры, – смущенно пробормотал Лукас.

– Я даю тебе это разрешение, – подтвердила я. – И, пожалуйста, не обращай внимания на моего отца.

– Легко говорить. Ты забыла упомянуть, что твой отец здоровяк.

– На самом деле, он просто большой плюшевый мишка, – улыбнулась я, дружелюбно пихнув его в бок.

Но Лукас не выглядел убежденным.

Я ухмыльнулась.

– Наверное, лучше начать наше расследование, пока Чарли с отцом не вернулись. Ну, так с чего начнем?

– Хм, дай подумать, – сказал он. – Откуда начались ваши проблемы?

Мои? Однозначно с кладбища. Но я не могла отвести Лукаса туда, когда на улице работает папа.

– Думаю, технически все началось с комнаты Чарли, – ответила я. – Пойдем.

– Чарли – это твоя младшая сестра?

– Ага, – ответила я, подойдя к лестнице. Взявшись за обезглавленный столбик перил, я с ухмылкой повернулась к Лукасу и подождала, когда он присоединится ко мне. – Но я позволю тебе называть ее Чак.

Глава двенадцатая. Зедок

– В некоторых кругах бытует мнение, что шкафы таят в себе проблемы.

Голос Лукаса доносился через приоткрытую дверь спальни Чарли, которая когда-то давно была моей. Эрика.

Я стоял снаружи, стараясь понять, сколько всего они уже друг другу рассказали. Были ли у них планы пригласить в гости глупых единомышленников этого нелепого идиота? Они, как тараканы, всегда группами. И еще, из чистого любопытства, я хотел выяснить характер отношений Лукаса и Стефани.

– Шкафы? – спросила Стефани. – Ты шутишь?

– Знаменитый исследователь и ученый однажды сказал, что, если ночью не закрыть шкаф, тогда беды не миновать, – надоедливый голос этого всезнайки так меня раздражал, что я начал желать ему медленной и мучительной смерти. Он вроде собирался отужинать с семьей Стефани? Жаль, что у них не росла белладонна. – Существует теория, что шкафы способны улавливать потустороннюю энергию и служить своеобразным порталом между измерениями.

– Порталы, – бесстрастно повторила Стефани.

На самом деле, он был не так уж далек от истины. Я частенько перемещался из одного конца дома в другой через шкаф, однако не только так мне удавалось проникать в самые разные уголки поместья. В «Молдавии» все дверные проемы и пороги позволяли мне попасть в мою версию дома.

– Если не веришь, ничего страшного, – пожав плечами, искренне ответил Лукас. – Я и сам до конца в это не верю. Однако скажи своей сестре, чтобы на всякий случай закрывала шкаф перед сном.

– Приму к сведению, – пробормотала Стефани.

Она сказала что-то еще, но из-за шумного топота маленьких ножек я ничего не расслышал. Вверх по лестнице промчалась Чарли, и, к счастью, я успел скрыться в тени до того, как она обогнула перила и оказалась рядом со мной.

Глава тринадцатая. Стефани

– Что вы делаете в моей комнате? – спросила Чарли.

Мы с Лукасом и пяти минут не пробыли здесь, когда она с визгом взбежала по лестнице. Поэтому у меня не осталось сомнений, что это мой отец надоумил ее пошпионить за нами.

К счастью, я уже успела поведать Лукасу про Чарли: об ее беседах с Зедоком, о существовании другого дома и о проблемах с ее шкафом.

– Чарли, познакомься, это мой друг Лукас, – я указала на Лукаса, размахивающего над задней стенкой шкафа устройством, напоминающим пульт дистанционного управления с разноцветными лампочками.

Он уже сделал множество снимков, проверяя экран после каждого. Выражение его лица ничего не выражало, но по тому, как он не спеша все это делал, впитывая атмосферу, я поняла, что для него важно просто быть здесь.

– Приветик, – с улыбкой произнес Лукас, отчего на его щеках появились милые ямочки, которых я раньше не замечала. – Приятно познакомиться, Чарли.

Чарли только уставилась на него, запрокинув голову, будто к ней приближался не человек, а целый небоскреб.

Он присел на корточки и протянул ей руку. Однако вместо того, чтобы пожать ее, Чарли дала ему «пять».

– А это что такое? – поинтересовалась она, указывая на устройство в его руке.

– Это детектор ЭМП. – Лукас наглядно продемонстрировал детектор с цветными лампочками. – ЭМП означает «электромагнитные поля». Я просто хотел прочесть его показания.

Чарли указала на стопку коробок возле окна.

– Все мои книги там.

Лукас вежливо рассмеялся, но его беспечная улыбка тут же исчезла, когда он заметил что-то на оконном стекле. К окну прилепился большой лист.

Э-э. Большой лист с ножками.

Двигаясь к косяку, по стеклу пробирался гигантский мотылек, украшенный черепами. На таких же мы постоянно натыкались в последнее время.

– Мы видим их повсюду, – сказала я. – Это, наверное, местный вид.

Лукас ничего не ответил, но, подойдя к подоконнику, уронил детектор на кровать. Не теряя времени, Чарли побежала за этим загадочным устройством и начала тыкать на кнопки. В этот момент Лукас приподнял оконную раму своими сильными руками, стараясь не спугнуть насекомое, а затем, к моему ужасу, вытянул руку и схватил его.

Спустя мгновение мне стало еще тревожнее, когда Лукас занес мотылька в комнату, сложив из ладоней своеобразную клетку.

– Господи, – прошептала я, услышав мерзкий визг. – Неужели мотыльки и правда издают такие звуки?

Лукас снова оставил меня без ответа. Вместо этого он посмотрел в щель между пальцами.

Возникший интерес заставил Чарли бросить детектор ЭМП на кровать и подойти к Лукасу, на цыпочках разглядывая пойманное насекомое.

Ошеломленный, но в то же время пожирающий мотылька пристальным взглядом, Лукас присел, чтобы Чарли могла поближе его рассмотреть.

– Ты сказала, что вы уже видели несколько таких? – спросил он, и его лицо побледнело у меня на глазах.

– Ага, – я пожала плечами. – А что? Они ведь не опасны?

– Они не отсюда, – ответил Лукас.

– Ты имеешь в виду, не из этого штата?

– Я имею в виду, что они не из США, – он быстро поднялся с места и, когда проворные пальчики Чарли подобрались слишком близко, вышвырнул насекомое в окно.

Пока мотылек превращался в крохотную точку, растворяясь в сгущающихся сумерках, Лукас закрыл створку и защелкнул окно.

– Чарли, – Лукас снова обратил внимание на мою сестру. – Стефани сказала, что тебе не нравится спать в своей комнате из-за шкафа. Расскажешь, почему?

Поведение Чарли тут же изменилось, и беззаботная улыбка исчезла с ее лица, а маленькие брови сошлись на переносице. Мне было больно смотреть на то, как спокойствие и жизнерадостность покидают сестру. Однако я не могла винить в этом Лукаса, ведь он не сказал о Зедоке ни слова, а всего лишь задал безобидный вопрос. Может быть, виновата только я? Это я не желала знать ни о каком монстре, потому что никак не могла в него поверить. И сейчас я пыталась справиться с мыслью о том, что в отличие от черствой дочери, наша любящая мама точно бы ее выслушала.

– Чарли, – окликнул ее Лукас, когда та оглянулась на дверь. – Что-то не так?

Вместо того чтобы ему ответить, растерянная Чарли замерла на месте, никак не реагируя. В последний раз я видела ее такой утром в гостиной, когда она стояла посреди разбросанных карандашей и тех нот.

– Раньше она никогда так себя не вела, – прошептала я.

– А сейчас с ней часто такое бывает? – натянуто спросил Лукас.

– Иногда, – проговорила я. – То есть каждый раз, когда она о нем говорит.

– Чарли, в чем дело? – немного громче спросил Лукас. – Там что-то есть?

Пристально наблюдая за приоткрытой дверью, Чарли коснулась своих губ. Раньше такая манера поведения откровенно меня раздражала, но теперь я была по-настоящему напугана.

Услышав в ответ лишь безмолвное молчание, Лукас снова подобрал камеру со стула и начал снимать. Но, пока он приближался к Чарли, деревянный пол предупреждающе заскрипел.

Словно в ответ, из коридора раздался гулкий скрип.

Напугав меня, Лукас подбежал к двери и распахнул ее.

Глава четырнадцатая. Зедок

Не успел я оглянуться, как этот юноша ворвался в коридор, в котором он оказался со мной лицом к лицу.

Лицом к маске.

Переместившись туда, откуда мне было удобнее наблюдать за незваным гостем, я замер. И теперь я видел его настолько четко, что об этом можно только мечтать.

– Чарли, ты что-то заметила? – спросил он, глядя сквозь меня.

Я ничуть не удивился. Никто окончательно не верил этим деткам, потому что они были такими же юными и неискушенными, как малышка Чарли. И даже те, кто допускал мое существование, редко видели меня, пока я сам не предоставлял очевидные доказательства. Однако важно отметить, что парень все-таки слышал скрип моих шагов. А когда Чарли прижалась к Стефани, бросив на меня прищуренный взгляд, я понял, что был готов пожертвовать всем ради ее молчания.

Пока парень пытался разглядеть меня в бездонной тьме, я воспользовался возможностью и, обхватив рукоять шпаги, начал беззвучно отступать вглубь коридора.

Парень поднял фотоаппарат и сделал снимок, выпуская на свободу свет ослепляющей вспышки, осветившей коридор, как молния. Он неутомимо снимал снова и снова. Однако я и не подумаю проявиться на его фотографиях, пока не стану тем, за кем он охотится.

По пути обратно я прислонил указательный палец к замочной скважине на своей маске, тем самым приказывая Чарли держать язык за зубами. Нахмурившись, она нервно моргнула, но все же сохранила мой секрет.

Глава пятнадцатая. Стефани

Ужин оказался неловким на пять центиллионов процентов плюс пи.

По крайней мере, в начале, когда папа задавал неудобные вопросы вроде «Вас разбили по группам случайным образом или вы сами решили работать над проектом вместе?» или «А в какой колледж собираешься поступать?», но моим фаворитом был вопрос «Лукас, а у тебя есть работа?».

Я была искренне удивлена, но на каждый вопрос Лукас отвечал вежливо и со странным изяществом, чего я никак не ожидала. Когда мы впервые встретились в библиотеке, от неистового смущения он едва мог говорить. Однако сегодня он больше напоминал лауреата Нобелевской премии, а его беседа с отцом была такой же деловой, как встреча Холмса и Питера Паркера. Все в рамках приличий, но с долей теплоты и остроумного джентльменского юмора.

Однако больше всего меня поразило, что Лукас старался не лгать моему отцу.

К счастью, он взял на себя руководство моим «школьным проектом». Однако каждый раз, когда речь заходила о нашем сотрудничестве, после обходительного, но уклончивого ответа Лукас направлял разговор в нужное русло и переходил к грандиозным планам моего отца. Это было действительно умно с его стороны, ведь папа просто обожал рассказывать о своей работе всем, кто внимательно его слушал. Но когда Лукас буквально завалил его многочисленными вопросами, снисходительное поведение отца постепенно давало трещину.

– Это прозвучит странно, – сказал папа в какой-то момент, – но хотя бы раз в неделю во сне я вижу, как это место выглядело в прошлом. В последний раз это случилось день назад.

Подождите-ка. Ему тоже снятся такие сны?

Рукой в клетчатом рукаве фланелевой рубашки отец указал в сторону гостиной.

– Например, во сне камин окружала декоративная глазурованная плитка, расписанная воробьями и цветами, которые подходили к обоям. Еще там была резная фигурка оленя. С рогами и всем остальным. Теперь все исчезло. Но на железном каркасе видно, где когда-то была плитка. Должно быть, я видел эту деталь раньше, а во время быстрой фазы сна мозг просто заполнил остальное.

– Д-да, – пробормотал Лукас с неловкой улыбкой.

– Раньше ты ничего не говорил о своих сновидениях, – выдала я.

Быстро поужинав и не желая так рано отказываться от планшета, Чарли уселась в гостиной и положила устройство себе на колени.

– Потому что ты постоянно в учебниках, – усмехнулся отец.

– Сэр, с тех пор, как вы сюда переехали, – начал Лукас, – вы замечали... что-нибудь необычное?

Меня парализовало. О боже. Он все-таки спросил.

Папа ухмыльнулся и удивленно вздернул брови.

– Ты имеешь в виду привидение?

– Папа не верит в призраков, – вмешалась я и намекнула, что на территорию паранормальных явлений лучше не ступать.

– Однако, – возразил папа, – об этом месте ходят жуткие легенды. Полагаю, если ты здесь живешь, тебе что-то об этом известно?

Папа прожевал свой следующий кусок жаркого в выжидательном молчании. На этот раз я остановила себя от того, чтобы прогнать Лукаса. Он был тем, кто задал вопрос. Кроме того, отец спрашивал о том, что я и сама хотела узнать.

– Что ж, – заговорил Лукас, окинув меня многозначительным взглядом, – я знаю, что этот дом был построен для состоятельной семьи из четырех человек в конце 1800-х годов.

– Дрейперы, – пробормотал папа с ноткой презрения в голосе, но не к самой семье, а к тому факту, что их тела покоятся в шести футах под нашей собственностью.

– О, да вы о них слышали, – подметил Лукас.

– Ну, – начал папа, – риелтор сообщил мне, что Дрейперы были первыми владельцами дома, у которого была не самая лучшая репутация. Однако он умолчал о том, что все Дрейперы умерли здесь в одну ночь и что дело было нечисто.

– Что? – спросила я. Хотя мне и было известно о датах на могилах, я впервые услышала о чем-то ужасном от самого отца.

– Сегодня я узнал интересную сплетню в местном хозяйственном магазине. – Отец скомкал салфетку и швырнул ее на стол. – Судя по всему, Эрик, старший сын Дрейперов, состоял в каком-то культе.

Я постепенно перестала жевать, рассматривая еду, которая так и останется нетронутой. Меня сковал страх, и я отложила вилку в сторону.

– Орден людей-мотыльков, – пробормотал Лукас, и я тут же удивленно на него посмотрела.

– Ты что-то о нем знаешь? – оживленно поинтересовался отец.

– Орден людей-мотыльков, – повторил Лукас мягким тоном и взглянул на Чарли, поглощенную мультиком в планшете. – Это группа подростков, которые, как и все остальные аристократы, интересовались Древним Египтом и оккультизмом. В Викторианскую эпоху изучение Египта и зарождающаяся практика спиритизма были в моде. Люди страдали египтоманией. И все, что имело отношение к тайне небытия, их завораживало.

– Похоже на то, – рассмеялся папа, – что викторианцы были теми еще фанатиками.

– Мягко говоря, – согласился Лукас.

– Итак, – начала я, не услышав ничего смешного, – в чем суть этого Ордена?

– Хорошо. – Лукас перевел взгляд на моего отца, словно надеялся, что тот вмешается и закончит разговор прежде, чем он начнется. Но папа был слишком заинтригован. Не потому, что верил в паранормальные явления, а потому, что наконец-то здесь был кто-то, кто мог ему рассказать, на что он потратил свои деньги. – Предположительно основателем Ордена был Эрик, чьи родители эмигрировали сюда из Англии, когда ему было двенадцать. Ходят слухи, что он всегда питал интерес к оккультизму, псевдонауке и неразгаданным тайнам. Например, к черной магии, сложным шифрам и криптографии.

Будучи заинтригованной до мурашек, я задумчиво поджала губы. Похоже, Лукас уже рассказывал эту историю раньше. Может, она отлично сочеталась с другими страшными байками, которые обычно травят у костра. А может, он действительно понимал, о чем говорил.

– Насчет этого Эрика, – сказала я, официально радуясь тому, что не поведала Лукасу о своем сне. – Как он выглядел?

– Никто не знает, – ответил Лукас. – Ни одной его фотографии не сохранилось, что, как ни странно, совпадает с проклятием. Говорят, оно уничтожило все изображения, на которых было видно его лицо. Потому что, как гласит легенда, он был необычайно красив.

– Ах, так? – пробормотала я себе под нос.

– Проклятие? – спросил папа. – Об этом еще никто не говорил.

Никто, кроме самого Эрика.

– Когда Эрику исполнилось шестнадцать, – продолжил Лукас и окинул меня робким взглядом, прежде чем снова уставился на отца, – он начал тайно встречаться с одноклассниками, сыновьями других богачей из светского общества. Ходили слухи, что они называли себя Орденом людей-мотыльков. Одержимый насекомыми Эрик считал мотыльков мастерами маскировки. Говорят, он питал отвращение к своей внешности и социальному статусу, поскольку они определяли его судьбу. Со временем, когда Орден людей-мотыльков стал могущественнее, его участники начали носить маски. Мне кажется, что в каком-то смысле маска позволила

Эрику почувствовать себя кем-то другим, понимаете? Или тем, кто имеет власть над своей жизнью.

– Так ты хочешь сказать, что Эрик – якобы один из призраков, обитающих в этом месте? – полюбопытствовала я.

– Хм, – сказал Лукас, – не совсем. Легенда гласит, что, когда ему было семнадцать, он поступил в университет. Его родители хотели, чтобы он изучал медицину. Тогда Эрик согласился, но при условии, что продолжит заниматься музыкой. Судя по всему, он играл на пианино, скрипке и неплохо пел. Точнее, пел он безупречно. Так или иначе, когда наступила зима и Эрику исполнилось восемнадцать, его семья поехала в Англию, но без него. Тогда Эрик провел секретный бал-маскарад здесь, в поместье своих родителей. Эта вечеринка была посвящена разворачиванию мумий.

– Мумий что? – спросила я.

– В то время, – сказал Лукас, – в Египет съезжались любители-археологи британских и американских кровей, и занимались они раскопками. Обычно их организовывали возле пирамид или в Долине царей, расположенной в Фивах.

– О, да, – сказала я. – Они выпотрошили много гробниц, и Египет все еще пытается вернуть свои артефакты.

Лукас кивнул.

– И никому не нужные, а особенно иностранцам, мумии были повсюду. Так продолжалось до тех пор, пока члены высшего общества не начали их скупать и отправлять в Англию и Соединенные Штаты Америки. С тех пор мумии стали главным атрибутом пышных вечеринок.

– Не говори так, – у меня вдруг скрутило живот. – Они вскрывали трупы ради забавы.

– Довольно-таки страшно, да?

– Не говоря уже о тотальном неуважении, – добавила я.

– И этот маленький Эрик проводил в нашем доме такие вечеринки? – спросил папа.

– Легенда гласит, – ответил Лукас, окончательно утратив страх и позабыв про наш подход «меньше знаешь, лучше...», – что мумия, которую члены Ордена людей-мотыльков нашли и принесли на свои посиделки, была древним жрецом Анубиса, египетского бога загробного мира. Существует теория, что он тоже был мистиком и магом. По сути, членам Ордена людей-мотыльков, и, в частности, Эрику, стремился подражать каждый.

– Так они специально украли эту мумию? – спросила я.

Лукас пожал плечами:

– Предположительно да. Некоторые даже считают, что вечеринка была скорее ритуалом и что Эрик пытался забрать силы мумии себе.

– Так что же случилось на этом маленьком собрании извращенцев? – поинтересовался папа, посмотрев в сторону Чарли.

– Ничего, – сказал Лукас. – Доказательства того, что ритуал – если он и был, – сработал, отсутствуют. Все разошлись по домам, оставив Эрика одного. Но как гласит легенда, в ту ночь мумия, которую развернули и оставили на кухонном столе... как бы это сказать... восстала из мертвых.

– Ой, как мило, – мне стало нечем дышать, а желудок снова скрутило.

– В качестве возмездия мумия наложила на Эрика проклятье, – сказал Лукас. – То самое, которое убило всю его семью в ту же ночь, когда они вернулись домой из поездки в Англию. Это случилось прямо перед Рождеством. Никто не знает, что произошло на самом деле. В то утро слуги обнаружили Эрика, его родителей и младшую сестру Мириам мертвыми. Они все сидели за тем же обеденным столом, на котором вскрывали мумию.

– Великолепно, – сказал папа. – Риелтор благополучно решил обо всем умолчать. Но я полагаю, если тебе так много об этом известно, должно быть, про легенду знают все?

– Версии разнятся, – сказал Лукас, пытаясь утешить отца. Однако я обрадовалась, что он достаточно хорошо изучил его характер и теперь понял, что его недовольство прежде всего было связано с риелтором, который продал ему дом, но почему-то не предупредил о трагической смерти бывших хозяев. – Большинство слышали о вечеринке, на которой вскрывали мумий. Впрочем, что касается Ордена людей-мотыльков... Что ж, я бы не сказал, что подробности той жуткой ночи знает каждый.

– Ладно, – пробормотал папа про себя. – Рассказ про мумию – это же самая страшная часть?

Лукас съежился.

– Что... было потом? – услышала я свой вопрос, вспоминая надгробие с именем Эрика.

– За день до захоронения, – сказал Лукас, – одно тело пропало без вести.

– Существует две догадки, да? – Мой папа засмеялся, а когда откинулся назад и скрестил руки на своей груди, спинка стула издала неприятный скрип.

– Тело так и не нашли? – спросила я.

– Есть предположение, что в этом замешаны похитители трупов – люди, известные как воскресители, выкапывавшие мертвые тела или крадущие их из моргов для продажи врачам или ученым. В то время это была не редкость. Хотя ситуация с Эриком все равно необычная.

– Ты сказал, что существуют и другие версии случившегося? – прозвучал голос отца.

– Ну да. Некоторые полагают, что именно члены Ордена людей-мотыльков забрали тело Эрика и, как это было свойственно древним египтянам, мумифицировали его, захоронив в тайном месте. Считается, что они сделали это, чтобы успокоить злой дух египетского жреца. Другие говорят, что тело Эрика забрала сама мумия.

– Забрала кого? Куда?

Не знаю, почему я спросила. Не уверена, что хотела услышать ответ. Возможно, так проявлялись мои научные способности, которые настаивали на том, чтобы я преодолевала препятствия даже на пути к шокирующей разгадке.

Теплый голос Лукаса снова растворился во всеобъемлющей тишине.

– Возвращаясь к египетскому мифу, повторяю, что Анубис был не только египетским богом загробной жизни и бальзамирования, но и божеством, ответственным за разрешение уйти в загробную жизнь.

– Похоже на историю о мрачном египетском жреце, – сказала я.

– Ага, – ответил Лукас. – В некотором смысле, так и есть. Только Анубис отвечал за церемонию, известную под названием «Взвешивание сердца». Древние египтяне считали сердцеместилищем души, и, как гласит легенда, Анубис лично взвешивал каждое сердце на весах, чтобы определить, можно ли допустить душу в царство мертвых. В некоторых версиях этой истории говорится, что, поскольку Эрик вынул сердце мумии, воскресший жрец мумифицировал Эрика и вынул его сердце в ответ, обрекая на вечные скитания в виде ходячего трупа.

– Ты же сказал, что по нашей территории бродит не Эрик, – возразила я.

– Я сказал, что, предположительно, это был не его дух, – пояснил Лукас. – Поскольку у него нет сердца, поговаривают, что Эрик застрял здесь вместе с египетским жрецом. Они оба... эм... имеют материальную оболочку.

– Так, значит, зомби, – хмыкнул отец. – Становится все интереснее и интереснее. Дом я отремонтирую. Но как быть с его репутацией? – Он покачал головой. – Тут сложнее. А знаете, что самое забавное? То, как уже весной я буду привлекать подрядчиков.

– Может, мне не стоило ничего говорить, – пробормотал Лукас.

– Нет. – Папа снисходительно махнул рукой. – Я рад, что ты обо всем нам рассказал. О таком лучше знать, не правда ли? Вообще, у меня достаточно времени для того, чтобы разобратся со всем этим бредом. Тем не менее, тебе довольно многое известно о потусторонней силе, вселившейся в «Молдавию». Но ты же не веришь в эту чепуху, не так ли?

– Н-нет, сэр, – сказал Лукас. Очередная ложь? Трудно сказать.

– Так что думаешь? Что случилось на самом деле? – Я была настоящей дурой, когда решила задать этот вопрос. Потому что и так все знала. Однако только так у меня был шанс услышать наиболее распространенную версию об убийстве.

– Ну, в городе много тех, кто думает, что Эрик убил всю семью и, инсценировав свою смерть, сбежал.

У меня отвисла челюсть.

– Хм, – подумал папа. – Есть ли какое-то основание верить этому, кроме того, что Эрик мог оказаться психопатом?

– Большую часть семейного состояния так и не нашли.

– Оу, – печально произнес папа, словно Лукас причинил ему боль, озвучив и без того известные факты.

После этой фразы тема разговора поменялась и окунулась в реальность «Звездных войн», рок-н-ролла и Зала спортивной славы.

Я задумалась. А мой мозг проводил бета-тестирование всего, что рассказал Лукас.

Если бы Зедок и правда существовал и был ходячим мертвецом, разве он не показался бы и мне тоже? К тому же сомневаюсь, что древнеегипетский жрец разговаривал бы с моей младшей сестрой по-английски. А что до Эрика, если бы он действительно был разгневанным безумцем, как сказал отец, разве его призрак не приказал бы мне убраться из дома?

Теории Стивена Хокинга о многомерной вселенной, конечно, допускают существование чего-то потустороннего вроде духов. Но злые мумии и ходячие трупы? Полный бред.

Накинув на себя кардиган, я проводила Лукаса до машины. Однако в голове вращалось лишь одно: «Какого черта я оставила куртку дома?» Если в конце сентября температура здесь могла доходить до двадцати градусов, то по вечерам не было никакого интереса притворяться, что лето все еще продолжается.

– Вот, – мы подошли к красному «Доджу» Лукаса, после чего он любезно открыл для меня дверь, – садись, я включу обогреватель.

Когда он закрыл мою дверь, я съездила в клубок на сиденье, и, пока Лукас огибал машину к водительскому месту, успела осмотреть безупречную приборную панель и пол. Ведь о молодом человеке можно многое сказать, судя по тому, как он обращается со своей машиной. Он тоже ездил на ручной коробке передач вместо автоматической, что было горячо, в стиле Джеймса Бонда.

Оказавшись внутри, Лукас завел машину, и из динамиков заиграла старая медленная песня с ритмичными басами, в которой пелось о парне, который приглашает девушку на танец, а на подпевке гармонично звучал хор мужских голосов.

Я наклонила голову к радио, которое Лукас убавил, превратив музыку в низкий, ритмичный гул, поднимающий настроение. Словно на дворе был 1952-й и мы только что «припарковались» в Переулке любви.

Мгновение спустя он нажал на выключатель обогревателя, и из вентиляционных отверстий вырвался поток теплого воздуха.

– Твоя сестра, – сказал он, испортив все мое настроение, которого и так не было. – Мне кажется, сегодня она что-то увидела. Обычно я не спешу делать выводы о каком-либо месте исключительно из-за его репутации. Но, учитывая историю этого поместья и видения Чарли, нам стоит насторожиться. Та штука. Ты сказала, что она с ней говорила.

Штука. Та. Его слова я запомню надолго.

Неужели сейчас мне пора рассказать Лукасу про сон с Эриком? Или... лучше подождать?

– Стефани?

– М-м?

– Можно спросить? Где ваша мама?

Ошеломленная его прямоотой, я содрогнулась. Но с другой стороны, мы имели дело с призраками. Как я могла от него что-то скрывать, в то время как сама ошибочно полагала, что выдумки Чарли каким-то образом были связаны с той, о ком мы с папой решили больше никогда не говорить?

– Она умерла, – грустным голосом сказала я. – И... Чарли ее не знала.

Моя фраза повисла в воздухе, и, будучи уверенной в его аналитических способностях, я оставила все как есть.

– Ясно, – сказал он. – Я... Мне очень жаль.

Боже. Нужно срочно сменить тему. Сколько бы времени ни прошло, боль все равно не стихала, а я не могла позволить себе пролить слезы перед парнем, которого знаю совсем недавно.

– Что, черт возьми, мы слушаем? – внезапно спросила я, размахивая рукой над автомобильной стереосистемой, когда мелодия сменилась.

– А, так ты об этом? – любезно поинтересовался он, не обращая внимания на резкую смену разговора. Лукас ласково усмехнулся и немного прибавил громкость. – Давай посмотрим. Это «Би-Боп-А-Лула» Джина Винсента и его группы «Синие Кепки».

– Само собой, – пробормотала я.

– Первая запись была выпущена в 1956-м, – продолжил он. – Но не путай с убийственно потрясающим хитом 1945 года «Би-Баба-Либа» Хелен Хьюмс. Если хочешь, могу включить.

Убийственно... потрясающим?

– Ну-у-у, – сказала я, пока Лукас искал свой телефон. – Я спрошу прямо. Какая у тебя история с этими вещами?

– Вещами?

– Ага. Ну, ты понял. Вот это... – я показала на радио. – И то... – Я кивнула на жилет в тонкую полоску, а затем постучала около своего глаза, намекая на его очки.

– Ты о музыке? – спросил он с озадаченной улыбкой и милыми ямочками на щеках.

– Да, о ней, – сказала я. Можно начать с этого.

– Тебе такое не по вкусу?

– Я такого не говорила.

– Вот именно. – Он поднял палец. – Потому что все любят музыку. А эта музыка? Подруга, она же классная!

На моем лице засверкала несдержанная ухмылка.

– Именно.

Лукас кивнул, его колени подпрыгивали, и он смотрел на меня, как будто ждал, что я услышу то же, что и он.

– Ну, это... мило, – смущенно призналась я. Потому что все это заставляло меня влюбляться в него все сильнее, чем я того ожидала.

– Восьмые свинга так и манят потанцевать.

Моргнув, я бросила на него любопытный взгляд.

– Под свингом восьмых ты имеешь в виду... триплет из четвертной ноты и восьмой?

Он замолчал с радостным удивлением на лице.

– Ты умеешь читать ноты?

Уголки моего рта дернулись, но я быстро одернула себя. Правда, было уже слишком поздно. Лукас заметил мою реакцию.

– Раньше читала, – сказала я. – Ты тоже?

– Вообще-то, нет, – ответил он, снова завладевая моим вниманием, когда я повернулась к нему. – Я изучаю музыкальный ритм и игру на разных инструментах. Ведь если ты не понимаешь музыку, то не понимаешь ничего. Правда?

Я не понимала. И все же... понимала.

– Ты занимаешься танцами?

– Разве мы все не танцоры?

– Нет, – ответила я и покраснела от смущения, которое подкрадывалось ко мне всегда, когда Лукас был рядом.

– Ты удивишься.

– Я не говорила, что этого еще не произошло.

Его приветливая улыбка озарила мой мир, словно яркое солнце, показавшееся из-за серых туч.

– Наша УЖАСная команда обедает завтра в спортивном зале, – сказал он. – Вместо сегодняшней тренировки мы будем репетировать завтра. Ну и я мог бы показать тебе несколько танцевальных движений... если хочешь.

Ого. Как же двусмысленно прозвучало. То есть Лукас снова пригласил меня пообедать со своими друзьями, с одним из которых, а именно с Шарлоттой, он будет танцевать?

– Посмотрим, – сказала я. Меньше всего мне хотелось испортить этот волшебный вечер, пока я наслаждалась его обществом и испытывала сильное предчувствие взаимной влюбленности. Поэтому я сдержалась и не стала расспрашивать о Шарлотте.

Пока его стереосистема надрывалась и пела нам серенаду, между нами повисла безмолвная тишина.

– Кстати, спасибо, – отблагодарила я его. – За то, что не побоялся прийти и измерить уровень аномалий в нашем электромагнитном поле.

Он тихонько посмеялся.

– Сомневаюсь, что чем-то вам помог. Напротив, кажется, я в три раза увеличил уровень стресса твоего отца.

– Ты действительно нам помог, – заверила я Лукаса. – По крайней мере, теперь я знаю, что за Чарли лучше присматривать. И куда можно обратиться, если увижу что-то странное.

– Кстати, о странном, – отметил он и потянулся к бардачку. – Я знаю, что твоего отца лучше не донимать всякими разговорами о призраках, но если произойдет еще что-нибудь жуткое или тебе что-то понадобится...

Он протянул клочок бумаги.

– Что это?

– Это... моя визитная карточка, – пояснил он. – То есть нашей команды.

– Карта УЖАСных? – спросила я. Кто в старшей школе вообще носит с собой визитную карточку? – Чей это номер?

– Э-э. Ну. Этот... этот мой.

– Ты даешь мне свой номер? – спросила я, не в силах сопротивляться своему чрезмерному любопытству. А может, тоже дать свой номер и немного пофлиртовать?

– Н-нет, – ответил он. – То есть да. Но... не для того, чтобы ты мне позвонила.

– Так ты не хочешь, чтобы я тебе звонила?

– Я этого не говорил.

– Ладно, – на моих губах сверкнула улыбка, отчего напряжение в его глазах уменьшилось. – Тогда я позвоню... может быть.

С этими словами я вышла из машины и побежала обратно к крыльцу, где в последний раз помахала ему рукой и вернулась в дом, в котором была рада оказаться вновь, несмотря ни на что.

Глава шестнадцатая. Зедок

Я расхаживал по коридору между комнатами девочек, постоянно останавливаясь, чтобы выглянуть через перила в фойе в ожидании Стефани.

С тех пор, как она ушла с Лукасом, прошло уже десять минут. В мое время оставлять юную девушку наедине с таким парнем больше чем на две с половиной минуты считалось моветоном и было абсолютно недопустимо.

И мистер Арманд. Где был он, пока его старшая дочь мило беседовала с напыщенным и лицемерным... слизняком?

С этим идиотом, который совал свой нос куда не надо. С этим настырным самодуром.

Какое он вообще имел право так бесстыже порочить мое имя и исказить сухие факты?

Наконец входная дверь издала знакомый скрип и распахнулась. Схватившись за перила обеими руками, я решительно зашагал по лестнице.

Когда Стефани вошла в холл и закрыла за собой дверь, я не мог не обратить внимания на ее кудри угольного цвета, сияющие под ярким светом ламп. Затем она заняла место под огромной люстрой... и мной.

В руках у нее был листок белой бумаги, который приковал все ее внимание, облаченное в сдержанный восторг.

Я сжал перила еще крепче, и, когда девушка скрылась из виду, я решил снова с ней поговорить.

Этой ночью.

Глава семнадцатая. Стефани

– О чем ты вообще думала, когда приглашала его сюда? – спросил его голос. – Учитывая все обстоятельства, это была худшая мысль за всю твою жизнь.

Окруженная со всех сторон духом небытия, я обернулась и принялась искать источник угрозы в крошечной темноте.

– Где ты? – Мои слова утонули в бездонном мраке.

– Здесь, – позади меня раздался тот же голос с акцентом, и, внезапно обернувшись, я обнаружила его прямо перед собой. Он стоял всего в нескольких футах от меня и выглядел в сто раз прекраснее, чем в прошлую нашу встречу: на нем были те же темные брюки, серый жилет и черные сапоги для верховой езды, а кистью руки он грациозно оперлся на рукоять своей рапиры. Но теперь его тело укрывал эбеновый плащ, а блестящие черные локоны, свисавшие до подбородка, свободно развевались на легком ветру.

– Где... Где мы? – спросила я. Наверное, я снова сплю.

– Если ты позволишь, – он небрежно взмахнул рукой, и темнота постепенно начала рассеиваться и трансформироваться в детали изящно обставленной комнаты.

Роскошная гостиная с раздвижными дверями и блестящим паркетом предстала передо мной во всей своей красе, а яркие детали пожирали темноту, как пламя пожирает бумагу. Я уставилась на него, а затем перевела взгляд на гостиную, в которой узнала нашу. Только в нашей были огромные трещины, отвалившаяся штукатурка и толстый слой пыли. Вместо этого хаоса нас окружала величественная альтернативная комната с камином, обрамленным плиткой с изображениями диких птиц, которых мой отец упоминал за ужином.

Я подобралась поближе к двум искусно изрисованным фрескам и увидела фигурку оленя, которую упоминал отец. Склонив витиеватые рога, она аккуратно стояла над потрескивающими языками пламени. Прямо над ней, объявляя о наступлении полуночи, настораживающе тикали маленькие часы. Кажется, это все объясняет – я просто уснула.

– Пожалуйста, – сказал Эрик, – присаживайся, если хочешь. Я могу угостить тебя чашечкой чая.

Не успела я обернуться, как из ниоткуда передо мной возник журнальный столик с изящным серебряным подносом, а рядом с сочной выпечкой и нежными бутербродами взгромоздился филигранный чайник, окруженный прелестными расписными чашечками.

Все выглядело таким реальным, что мне захотелось дотронуться до этого волшебства и поглубже вдохнуть пленяющий аромат воска и горящих дров, смешанный с ламповым маслом, долькой лимона, несравненной лавандой и цветущими розами.

Через мгновение мне пришлось убедить себя в нереальности происходящего.

– Эрик? – позвала я его.

– Оу, ты вспомнила мое имя, – в его тоне послышалась нотка иронии.

– Ты, – сказала я почти шепотом. – Ты... мертв.

Несмотря на то что мои слова сильно его задели, его нахмуренное лицо было не менее прекрасным, чем всегда.

– А вы, мисс Арманд, все еще стоите. Скажите, стоит ли мне снова предложить вам присесть, или во время этого разговора вы, как обычно, предпочтете вести себя эксцентрично?

Он говорил так, будто знал меня всю жизнь. Или... какое-то время за мной шпионил. В последний раз он сказал что-то такое.

– Я даже не догадываюсь, о чем ты хочешь поговорить, – со снобизмом в голосе произнесла я, но продолжала дрожать от его внезапного появления.

– О том молодом человеке, – выпалил он. – Нам нужно поговорить о том юноше.

– О Лукасе? – Рукой я указала на эркер, окутанный тьмой.

– Ему нельзя возвращаться, – сказал Эрик. Однако я услышала лишь половину, потому что за день появилось слишком много новой информации, которую нужно обдумать.

– То есть ты не просто часть сна... не так ли? – я до сих пор не понимала, хотелось ли мне, чтобы он был настоящим. Может, и нет, если бы вторая версия легенды, в которой Эрик убил свою семью, оказалась правдой.

– Я уже говорил, что это не сон, – подтвердил он. Его угрюмое выражение лица... Неужели все и правда из-за Лукаса?

– А еще ты сказал, чтобы я покинула дом, – я скрестила руки.

– Предложение еще в силе, – последовал едкий ответ от Эрика. – На этот раз все серьезно. Пригласив в мое поместье того парня, ты обрекла нас на ужасный конец.

Дюжина вопросов чуть не сорвалась с моих губ. Однако все по порядку.

– Так ты нас подслушивал? – поинтересовалась я. – Ты слышал, что Лукас рассказал нам за обедом?

– Я не убивал свою семью, если ты об этом, – дрожь в его голосе аккуратно замаскировалась под пылкий нрав. Его наполненные болью и ненавистью глаза с укором смотрели на меня, пока, наконец, не выбрали другой предмет для наблюдения. – Хотя я был... виноват в их смерти.

Ну, это еще ни о чем не говорит.

Однако если добавить немного конкретики...

– А что насчет всего остального? – спросила я, прекрасно понимая, что он все-таки нас подслушивал. – Что ты скажешь о проклятии?

– Я уже говорил, что проклятие существует, – ответил он.

– Точно, – произнесла я, осматриваясь вокруг в полном восторге от изысканного интерьера. – Но ты не сказал, что это за проклятие. Вместо тебя это сделал Лукас.

– Он ничего об этом не знает, – отрывисто произнес Эрик, хотя мое внимание давно было приковано к пианино.

Излучающий волшебное сияние величественный инструмент, окрашенный в классический черный цвет, занимал тот же темный угол, что и в нашей гостиной. Это изобретение поразило меня своей необычайной красотой, от которой у нашей мамы тоже перехватило бы дыхание.

Я подошла к нему, и мой силуэт уже вырисовывался на его блестящей отполированной поверхности.

Ни одной пожелтевшей или сломанной клавиши. Они были такими же ослепительно-белыми, как и лилии на могиле мамы.

Не в силах сдержаться, я уселась на скамью. И вот я снова здесь, заперта в своих воспоминаниях.

Кончиками пальцев я касаюсь клавиш, а мои руки помнят все движения, которым научила меня мама, и повторяют их, словно пытаюсь вернуть ее назад.

Я нажала на белую клавишу E, затем дотронулась до черной D-диез, чередуя их, пока не перешла к B, D, C и не услышала прекрасную мелодию, родившуюся из нескольких нот. Эта музыка повторялась снова и снова, по моей просьбе немного преобразаясь в конце. Струясь из дивного пианино, она проникала в мое сердце, протаптывая свой путь до тех пор... пока не остановилась. Или пока не остановилась я.

Когда на меня упала мрачная тень, я обернулась и увидела, что его фигура, освещенная плавающим огнем камина, стояла слева, а пронизательные глаза сверлили меня насквозь.

– Что ты делаешь? – Его возмущенный взгляд затмевал более напряженный голос.

В ту же секунду я убрала руки от пианино, сжав пальцы.

– Не надо, – приказал он.

– Чего не надо?

– «К Элизе», – сказал он, указывая на клавиши. – Нельзя останавливаться на середине... Ты должна закончить.

– Но я не знаю, что дальше.

Его внимание соскользнуло на пианино, а удрученное выражение лица оставляло желать лучшего.

– Прошу прощения, – пробормотала я, быстро соскочив с сиденья, на которое не следовало садиться. – Я ее никогда не разучивала. Мы...

Тишина, которая ранила меня до глубины души, настигла нас вновь, превратившись в нечто более ужасное, потому что сейчас в ней таилось все, о чем я никогда не хотела говорить.

– Мы? – рискнул он. – Ты говоришь о себе... и своей маме?

Я прищурилась на него.

– Откуда ты знаешь о моей маме?

– Просто догадался.

– Действительно, догадался.

Он задумчиво поджал губы, а затем перевел взгляд на излучающий тепло камин, пока тот освещал его изящные черты лица.

– Ее отсутствие, – ответил он, наконец, переключив все внимание на мою персону, – всегда было заметно.

Я и понятия не имела, что на это отвечать. Особенно, когда он говорил так, будто действительно нас подслушивал и, возможно, следил, отчего мне стало совсем не по себе.

– Мы не будем о ней говорить, если ты не хочешь, – сказал он. – Доверься мне... Я понимаю.

Я была готова переехать его на поезде и растерзать на мелкие кусочки. Но неожиданно для самой себя поняла, что не смогла бы этого сделать. Точно не сейчас, когда его слов, наполненных горькой тоской, оказалось более чем достаточно, чтобы убедиться в их искренности.

– Твоя семья, – сказала я, – уже давно мертва.

– Кажется, так и есть, – его признание прозвучало печально. – Но... иногда об этом получается забыть.

Я понимала его, как никто другой.

Мамы уже шесть лет как не стало, и большую часть времени я размышляла о прошлом. Частенько, как и сейчас, мне было невыносимо больно. Но иногда, в мимолетные секунды счастья или вселенской грусти, мне хотелось прятаться в мамины объятия от всех невзгод и жизненных трудностей, и тогда я забывала, что ее уже давно не было рядом.

– Значит, все, что он сказал, правда? – спросила я. – Проклятие убило их... и тебя тоже?

– Бремя проклятия нести только мне, – произнес он уверенным голосом. – И никому больше. Хотя... их смерть и правда была всего лишь последствием моего поступка.

Я кивнула в ответ и, возможно, впервые доверилась его словам.

– Но тогда получается, что так ты живешь уже сто лет? Неужели все это время во всем ты винил себя?

От этих слов его лицо исказила боль, а тело содрогнулось. Словно я подсмотрела, или если быть точным, нарушила его личное пространство.

– Именно, – ответил он спустя несколько секунд молчания, которые длились целую вечность. Я слышала напряжение в его голосе и видела, как его непоколебимая уверенность трещала по швам. – Хорошо... это я во всем виноват.

Услышав это, мое сердце зануло от острой боли. Я тут же подавила в себе желание извиниться, отдавшись своему безмерному любопытству.

Сейчас мне как никогда хотелось узнать, что случилось с Эриком на самом деле.

Но вместо этого я подарила ему еще одно мгновение, чтобы тот пришел в себя.

Как и я.

Поэтому, подражая Лукасу, я сменила тему разговора или, по крайней мере, перешла к предыдущей теме.

– Ты не мог бы... сыграть на пианино?

– Прошу прощения? – озадаченно спросил он.

– «К Элизе», – ответила я. – Почему ты не хочешь сыграть для меня?

– Я не могу, – опустошенно произнес он.

– Оу, – пробормотала я. – Лукас и тут ошибся?

– В чем? – поинтересовался нахмурившийся Эрик, коснувшись своего лба и растерянно глядя то на меня, то на пианино, словно пытался понять, кто виновен в его замешательстве.

– Лукас. Он сказал, что ты умеешь играть на пианино.

– Я умею играть, – сказал он, сжав руки в кулаки. – Я просто не могу... играть.

– Это не противоречит друг другу.

Он отвернулся от меня, обратив свой взгляд на пианино.

– Я мог бы сыграть. Однажды.

– Значит, ты был музыкантом?

– Я и есть музыкант! Просто...

– Что просто?

– Я просто... Сыграй еще раз, – попросил он, но смотрел при этом на инструмент. – «К Элизе».

– Но я же сказала, что никогда...

– Играй то, что знаешь.

– Но...

– Пожалуйста.

Это слово он произнес словно молитву, пронзая меня своим взглядом. В одном слогe я почувствовала ту знакомую боль, которая звучала так громко, что заставляла другие аккорды души вибрировать с ней в унисон.

Не понимая, что творю, я присела на скамью.

– Подожди, – сказал он перед тем, как я сыграла первые две ноты. – Анданте. Играй медленно, но не слишком.

– Я знаю, что означает «анданте». – Я уселась поудобнее и начала заново.

– Помягче, – поправил меня он.

Я остановилась и, скорее всего, жутко бы на него рассердилась, если бы он не откинул в сторонку свой плащ, присев рядом и одарив меня лавандовым ароматом.

– Смотри, – заговорил он. – Эти вступительные ноты, рожденные из праха, – единое целое, такое же удивительное и неопровержимое, как первая любовь. Это небывалое чудо, а его частички неразрывно связаны между собой, как небо и звезды. А твои пальцы должны как легкие перышки падать на нежные клавиши.

Он положил правую руку поверх моей, и его прохладные, немного шершавые пальцы расположились над моими. Его слова в сочетании с томным прикосновением вызвали во мне огненную дрожь. Когда он по очереди нажимал на мои пальцы в том же порядке, о котором говорил, я не могла дышать. Однако он тут же остановился, когда отвратительная незвучная музыка вырвалась наружу. Ноты, которые мгновение назад так чудесно резонировали, теперь испускали фальшивую, искаженную мелодию.

Рука Эрика мгновенно отпрянула от моей. Я держала свои собственные там, где они были, не в силах пошевелиться, а моя кожа все еще гудела от нашей связи, тело вибрировало от его близости, а уши и разум потряс нервирующий звук, который вырвало из пианино влияние Эрика.

Он отнял руку от клавиш, но его глаза оставались прикованы к ним, и мгновенная яркая вспышка в них померкла.

– Теперь ты понимаешь, что я имею в виду, – пробормотал он.

Я и правда все поняла.

– Это часть... проклятия, – догадалась я. – Ты не можешь играть, потому что стал призраком.

– Нет, я не призрак, – мрачно ответил он. – И, должен сказать, он тоже.

– Он, – повторила я. – Ты говоришь о Зедоке?

На этот раз он не упрекнул меня за то, что я произнесла его имя вслух. Но и не ответил.

– Кто он? – настойчиво спросила я. – Кто он такой?

– Не тот, о ком ты думаешь, – пробормотал Эрик. – Точно тебе говорю.

Еще один смутный ответ. Но означало ли это, что история Лукаса была неправдой? Эрик сказал, что это так. Возможно, Зедок был демоном.

– Это он держит тебя здесь, – сказала я, медленно складывая руки на коленях. – Он... оно, – исправилась я, снова вообразив его монстром. – Оно держит тебя в плену.

Эрик молча бросил на пианино ошеломленный взгляд, как и мгновение назад. Хотя, возможно, он просто не мог рассказать всего. Может ли то, что не позволяет ему играть, каким-то образом помешать ему раскрыть правду о проклятии?

– Лукас сказал, что ты был...

– Насчет этого юноши, – начал он, вспоминая имя Лукаса, которое привело его в чувство. – Крайне важно запретить ему и всем остальным приходить в поместье.

– Лукас хотел помочь. И, если ему хоть что-то известно о происходящем сумасшествии, я не понимаю, почему...

– Потому что! – проорал он, поднявшись со скамьи. – Когда ты привела его в этот дом, то разожгла огонь в погребке, полном бочек с порохом!

Я пристально смотрела Эрику вслед, пока он шел обратно к камину и остановился там. Столп тьмы во мраке. Но внутри него тоже был свет. И я увидела его, когда он говорил о музыке.

Оттолкнувшись от скамьи, я приблизилась к его темной фигуре.

– Эрик, – сказала я, пока он настойчиво продолжал молчать. – Я... я хочу тебе помочь.

И я помогла, когда приняла его жуткую боль на себя.

Он посмотрел на меня с серьезным выражением лица.

– Я больше тебя не боюсь.

Секунды, на протяжении которых мы стояли как разведенные мосты, длились вечность. Мы словно хотели выговориться друг другу обо всем, что причиняло нам дикую боль, но все же не смогли подобрать нужные слова.

– Причина, по которой ему не стоит возвращаться, – ответил Эрик, снова приблизившись ко мне, – то, что я не могу его контролировать. – Он протянул руку, чтобы коснуться моей щеки костлявыми пальцами. – Не сейчас, когда я не могу тебя защитить.

Когда до нежного прикосновения его ладони оставались считанные секунды, мой сон оборвался. И, когда я снова очутилась в своей мягкой постели, украдкой поглядывая на прикроватные часы, от зверского холода меня защищало лишь толстое одеяло.

Стрелки часов показывали 12:45. Это означало лишь одно – я спала меньше часа.

Затем мой взгляд скользнул мимо часов и уставился на фигурку ангела, которая принадлежала моей маме. Именно поэтому спустя какое-то время я вернула ее на свое место.

Два дня назад, до первой встречи с Эриком, войдя в комнату, я увидела, что статуэтка пропала.

В тот момент я решила, что это сделал мой отец. Чарли была слишком мала, чтобы дотянуться до моего комода. Однако теперь я начала сомневаться в своей теории, потому что папа никогда не заходит в мою комнату и, тем более, не переставляет мои вещи без спроса.

Все эти происшествия, загадочные сны, безмолвные могилы и трагические истории могли свести меня с ума, если бы я позволила.

Я легла на спину и, заметив несколько трещин на отштукатуренном потолке, снова задумалась об Эрике и ночном видении, от которого никак не могла избавиться. Однако теперь оно оборвалось... потому что так захотел Эрик.

Глава восемнадцатая. Зедок

Я поднялся со стула, освещая домашний очаг сиянием своих глаз.

На каминной полке нервно тикали отцовские часы, а ускоренное перемещение стрелок сводило меня с ума.

Считая нескончаемые секунды, я почувствовал всеобъемлющий страх от того, что натворил. Точнее, чего не сделал.

Единственная причина, по которой я хотел поговорить со Стефани, проистекала из моей потребности заставить ее семью покинуть дом.

И поэтому я вновь передал ей свое мрачное послание. Однако из-за выбранной стратегии моя миссия провалилась. Если бы я только задумался о правильности своего подхода... Но я этого не сделал. Напротив, у меня появилось непреодолимое желание получить от нее хоть какое-то отпущение грехов.

Я хотел оправдать Эрика. Но... Я им не был.

Тот глупец Чейни. Его абсурдная версия истории жутко меня взбесила. Однако больше всего меня разозлили подробности, которые оказались совершенно точными.

Тем не менее, его оскорбительное вмешательство стоило расценивать как услугу.

Если бы мне хватило духу предстать перед Стефани во сне не в образе добродушного Эрика, а в виде ужасающей фигуры в маске, которая, наконец, завоевала ее внимание, разве слова мальчика не сыграли бы мне на руку?

Но нет, я решил к ней подсесть. Да еще и за пианино! Словно мы жили в одно время или, что еще нелепее, она была моим другом.

Неуверенно и робко из ее пальцев лилась дивная мелодия, приземлившаяся к моим ногам, словно груда костей из умерших воспоминаний. И те заметки, которые казались совершенно безжизненными, все еще были подлинным шедевром, насквозь пробивающим меня артиллерийской шрапнелью.

Несмотря на то что в своем провале мне хотелось обвинить прекрасную музыку, правда была в том, что... Я прекрасно знал, что дело было не только в этом. Потому что еще до того, как ее изящные пальцы коснулись мягких клавиш, я забыл о цели своего визита. С того самого момента, как я вторгся в ее царство сна. А может... еще раньше.

Предыдущий визит Гнева всплыл в моей памяти вместе с образом, проявившимся в его мрачной маске.

Стефани.

На ум пришла только одна мысль, объясняющая мое видение, и это было связано только с моим необузданным желанием явиться к ней в образе Эрика.

Воскрешая его безжизненную оболочку, я совершил ошибку, отразившуюся не только на мне, но и на жизни Стефани. Я вкусил запретный плод, который напомнил мне о том, какой когда-то была моя жизнь. О том, каково быть человеком.

Возможно, Гнев лишь пытался предупредить меня об этом в своей противной манере.

Но даже зловещий вестник оставался вестником. И не более.

Когда я решил взять на себя всю ответственность за случившееся, у меня еще оставалось немного времени, чтобы исправить свои ошибки. К счастью, я придумал, как извлечь выгоду из своих многочисленных промахов, воспользовавшись средствами для их устранения. Благодаря Эрику Стефани поверила в Зедока. По крайней мере, этого хватит, чтобы добраться до нее без помощи младшей сестры в роли шпиона.

Завтра. Должно быть, завтра я...

Почувствовав в комнате присутствие еще одной маски, я замер. Обернувшись, я достал свой меч и протянул его острое лезвие к открытым раздвижным дверям, где ожидал увидеть Гнев.

Но в дверном проеме был не он. Вместо Гнева из-под белоснежной маски на меня выглядывали миндалевидные глаза, принадлежавшие женскому силуэту.

Не все мои обличья были мужскими. Внешне некоторые из них походили на женщин. Например, Надежда. В отличие от мужских двойников, мои женские обличья до сих пор принимали форму людей, которых Эрик знал при жизни.

Однако я не помню, чтобы встречался с этой женщиной при жизни или после смерти.

Ее темно-бордовое платье дополняло свободно закрученные в элегантный шиньон волосы черного цвета, напоминающего крыло ворона.

– Кто ты? – настойчиво спросил я, всячески отговаривая себя от мыслей о ее сходстве с другой девушкой. Это было недопустимо. Только не сейчас.

Но женщина ничего не ответила. И, прежде чем ее тонкая фигура растворилась в сером тумане, она предупреждающе прижала к губам указательный палец в кружевной перчатке.

Я не понимал, какой осколок моей души она олицетворяет, и был бы рад, если бы она ушла прочь. Но ее медленное исчезновение, как и внезапное появление, пробудило во мне всепоглощающий ужас, который я не испытывал с той кошмарной ночи, когда египетский жрец оставил меня со всем, что я у него украл, но не смог вернуть, а потом снова спустился в загробный мир, оставив меня наедине с... самим собой.

Каким бы сильным ни был мой страх перед новой маской, он не мог сравниться с глубоким чувством стыда, которое я испытывал из-за жреца, чей вечный покой я бездумно нарушил.

Его страх и боль от внезапного пробуждения я теперь очень хорошо понимал.

Украд его сердце, оставил ли я ему выбор? Неудивительно, что в отместку он захотел вынуть мое.

И, хоть мое раскаяние за ужасные поступки на протяжении десятилетий обжигало мне сердце, в конечном итоге оно привело жертву домой, и это немного заглушало мою нескончаемую боль.

Но... появление этой незнакомой маски лишило меня малейшей порции утешения. Чем еще она могла быть, кроме как твердым доказательством того, что все это происходит снова? Что из-за своего духовного затмения я подписался на более серьезный душевный долг?

Кем бы ни была эта маска, она служила зловещим напоминанием, что ответ на более великую и страшную тайну всегда заключался в вопросе о том, какая часть меня была настолько порочна, чтобы осквернить освященную форму жреца и нарушить его священный сон в погоне за собственной выгодой.

Это говорило о том, что я все еще не знал себя достаточно хорошо, чтобы сказать это даже спустя столько времени. Ответ, которого я так боялся и ненавидел, бесконечно крутился в моей голове: эта развращенность – спесь высокомерия и гордости – таилась в каждой маске.

Моя душа легко раскололась на тысячи осколков, а ее природная хрупкость шептала, что рано или поздно это должно было случиться. Это намекало на более ужасную развязку.

Истинной причиной необратимости проклятия... был я сам.

Глава девятнадцатая. Стефани

Не в силах сосредоточиться на уроках, всю первую половину дня я размышляла о своем последнем сне с Эриком. Снова и снова в моей голове эхом разлетались его загадочные ответы, снова и снова я пыталась их расшифровать без единого намека на успех. Затем прозвенел звонок на обеденный перерыв, и, несмотря на приглашение Лукаса пойти в спортзал, я направилась в кафетерий. Убеждая себя в том, что изменить свое решение и найти Лукаса было плохой идеей, я вклинилась в огромную очередь. В голове кружилась только одна мысль: «Как отреагировала бы Шарлотта на то, что я, как ни в чем не бывало, прерву репетицию, которую изначально перенесли из-за меня?» Но, дойдя до лотков с едой, мне пришло в голову, что Лукас может подумать, что я неблагодарна ему за вчера. Или что мне было все равно...

С этими мыслями я отказалась от ланча и направилась в спортзал, но продолжала колебаться, шагая то быстрее, то медленнее. Я хотела увидеть Лукаса, но не желала становиться помехой. Хотя вчера Шарлотта была совершенно не против стать таковой.

Добравшись до спортзала, я осознала, что прошло уже больше половины обеденного перерыва, и замерла перед распахнутыми двойными дверями. Мое сердце затрепетало, когда Лукас скользнул в поле зрения, двигаясь задом наперед под одну из своих ретропесен в стиле ду-воп. Эхо ревности пронеслось во мне, когда Шарлотта тоже появилась в поле моего зрения, протягивая руку Лукасу. Руку, которую он принял.

Я затаила дыхание, и внутри у меня все сжалось, когда он в танце притянул ее ближе, свободной рукой приобняв за талию.

«Шу-дуп шуби-ду», – пропел квартет из портативной колонки, сопровождаемый знойными, мягкими звуками барабана и пианино.

Ух. Прийти сюда было огромной ошибкой. Я начала медленно отступать, пока никто меня не увидел, но внезапно услышала свое имя.

Сидя на верхних рядах вместе с Патриком, Уэс помахал мне бутербродом.

– Как поживаешь? – выкрикнул Патрик через весь пустой спортзал и сунул в рот чипсы. Отпустив руку Лукаса, Шарлотта обернулась и уставилась на дверной проем.

На меня.

О боже.

Тут Лукас изменился в лице и быстро отпрянул от нее, бросившись навстречу мне. Конечно, кому-то он мог показаться совершенно нелепым в своей кепке ньюси, галстуке-бабочке, укороченных штанах с подтяжками и в коричневых носках с ромбами, но в моих глазах он выглядел очень горячо.

– Хей, ты все-таки пришла, – сказал он, снимая кепку, как настоящий джентльмен из джазового фильма перед беседой с дамой сердца.

– Эм, – робко произнесла я, почувствовав его нежный взгляд на себе. – Ага. Я...

– Не переживай, красавица! – Уэс окрикнул Шарлотту. – Я с тобой потанцую.

Тут Уэс спустился с трибуны и сократил расстояние между ними, после чего оторвал ее от пола и перебросил через плечо. Шарлотта вскрикнула, а затем, когда Уэс начал имитировать вальс, громко засмеялась. Закружив ее в танце, он посмотрел на меня и ухмыльнулся.

– Я же вам сказал, что нужно приберечь бутылку с распыскивателем для нашего Уэса, – заговорил Патрик и выпил газировку. – И не надо говорить, что бюджет нам не позволяет.

Я бы и сама посмеялась, если бы в этот момент Лукас не взял меня за руку, уводя из зала. По соседней лестнице мы поднялись на пустую площадку. Солнечный свет струился сквозь огромные окна, подчеркивая слабый блеск пота на его лице.

– Все нормально? – спросил он.

Почему он был таким ласковым? Наверное, Лукас всегда так себя вел. Правой рукой я указала туда, откуда пришла.

– Извини, что прервала репетицию. Снова.

– Ты не помешала, – ответил он. – Нам просто нужно было расслабиться. Вообще-то, мы в хорошей форме.

Ага. Я заметила.

– Эм-м. – «Сосредоточься, Стефани». – А к чему вы, ребята, готовитесь?

– Ой. – Он сунул свою кепку под мышку. – Мы с Шарлоттой вместе готовимся к грандиозной вечеринке, которая пройдет уже в эту субботу. Это ежегодное событие. В прошлом году мы взяли бронзу.

– Вот это да. – Я схватилась за локоть, стараясь не показать, что их многолетнее тесное сотрудничество слишком меня заботит. – Вы, должно быть, действительно хороши.

Он пожал плечами:

– Сейчас мы стали танцевать лучше, чем в прошлом году. И это прекрасно, потому что денежный выигрыш очень помогает нашей УЖАСНОЙ команде. В прошлом году на призовые деньги мы приобрели тепловизионную камеру.

– Вы, ребята, действительно серьезно относитесь к этой охоте за привидениями, да?

– Так же серьезно, как и ты к школьной учебе, – сказал он, провернув этот сдержанный словесный трюк с эффектом непредумышленного пренебрежения. – Но хватит обо мне. Что нравится тебе? Чем ты увлекаешься?

Даже несмотря на его неожиданные вопросы, на этот раз мне удалось сохранить улыбку. Однако придумать ответ на его реплики оказалось сложнее, чем я думала. Чем я была по-настоящему увлечена? Раньше моей страстью была музыка, я гонялась за покорными нотами, выстроенными в шеренгу, а когда у меня появлялось дикое желание сделать что-то еще, я сочиняла песни с несуществующими словами. А потом появилась Чарли.

– Сейчас у меня не так много времени для хобби.

– Ты, наверное, целыми днями помогаешь отцу, – смекнул Лукас, засовывая кепку в задний карман штанов.

– Мы помогаем друг другу, – сказала я. – Чарли тоже помогает.

– Вы с сестрой довольно близки, да? – подметил он.

– Иногда она сводит меня с ума, – засмеялась я. – Но она такая... они с папой... они для меня – все.

Лукас кивнул, действительно слушая меня очень внимательно.

– Кстати, о Чарли, – сказал он. – Сейчас... она спит спокойно?

Я кивнула.

– Более или менее.

Склонившись ко мне, он нахмурился.

– Ей снова что-то померещилось?

– Хм, нет. – Я сложила руки и прислонилась бедром к стене, пытаясь отойти от Лукаса на небольшое расстояние, чтобы мой мозг хоть немного мог думать. Аромат его лосьона после бритья в сочетании с запахом мужского пота... вызывал галлюцинации.

– Кажется, что-то действительно есть, – ответил он.

То утро, а точнее, целый день, я потратила на размышления о том, как много мне нужно ему сказать, и столько же на то, стоит ли вообще искать Лукаса. И вот я здесь, лицом к лицу со своим объектом обожания, испытываю необузданное желание рассказать ему о своих ночных встречах с Эриком. Но после строгого предупреждения ограждать Лукаса от нашего поместья я твердо решила воздержаться. Хотя Лукас, вероятно, мог бы пролить свет на мою теорию о том, существовал ли Эрик на самом деле и мог ли он быть заложником Зедока. И, к счастью

или нет, лучшего способа вернуть Лукаса в «Молдавию», чем проболтаться об этом, я так и не придумала.

А с другой стороны, с чего я взяла, что он мне поверит? Вдруг мои истории про Эрика только подтвердят слова Шарлотты о том, что я просто хочу привлечь к себе внимание?

Пока я не нашла никаких доказательств того, что Эрик действительно существует, лучше не пускать его в дом.

– На данный момент все... в порядке, – в моих словах не было ни доли лжи. Однако, когда я вспомнила, зачем сюда пришла, меня охватила глубокая тоска.

– Та-а-ак, – ухватившись за подоконник, он наклонился к нему и случайно меня задел. – Раз ты здесь не для того, чтобы сказать мне о багровой крови, стекающей по стенам вашего дома...

– Ничего такого, – с упреком произнесла я, но лишь потому, что не была уверена в этом на сто процентов.

– Я имею в виду, – продолжил он, – раз ты здесь не из-за домашних призраков, то, наверное, пришла на урок танца.

От удивления у меня отвисла челюсть, но сквозь него все же пробились радужная улыбка.

– Оу, ну, я так не думаю.

Он вытащил телефон из заднего кармана.

– Давай проверим, – пробормотал он, постукивая большим пальцем по экрану, пока из динамиков не послышалась танцевальная музыка.

От напряжения я оглянулась по сторонам. Сейчас рядом с нами никого не было. Но, когда прозвенит долгожданный звонок с урока, в зале начнется столпотворение и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.